

**ЕВГЕНИЙ
МАУРИН**

ЛЮДОВИК И
ЕЛИЗАВЕТА

Женские лики – символы веков

Евгений Маурин

Людовик и Елизавета

«Public Domain»

1899

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Маурин Е. И.

Людовик и Елизавета / Е. И. Маурин — «Public Domain»,
1899 — (Женские лики – символы веков)

ISBN 978-5-486-03757-3

Маурин Евгений Иванович (умер в 1925 г.) – беллетрист, признанный мастер историко-авантюрной прозы, чьи романы отличают виртуозно прописанный, динамичный, захватывающий сюжет и потрясающее умение передавать дух той или иной исторической эпохи. В данном томе представлен роман «Людовик и Елизавета», повествующий о временах бироновского правления и немецкого влияния при русском дворе, когда любовь и политика тесно переплелись в борьбе за трон. Главная героиня романа – будущая императрица Елизавета, но на первом плане оказывается не столько историческая эпоха, сколько интимные похождения персонажей – венценосных особ и их фаворитов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03757-3

© Маурин Е. И., 1899
© Public Domain, 1899

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Людовик	17
I. Король скучает	17
II. Маркиз де Суврэ	21
III. У де Майльи	26
IV. Король забавляется	30
V. Узел интриг	37
VI. Признания	42
VII. Дальнейшее признание	49
VIII. «Я нашел тебя, девушка»	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Е. И. Маурин
Людовик и Елизавета

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Предисловие

I

В XVIII веке идея самодержавного единовластия не пользовалась симпатиями «верхов» русского общества. Требуя от народа слепого, рабского подчинения, не допуская даже и мысли о возможности влияния «подлой черни» на ход государственных дел, дворянство для себя лично домогалось права на руководящую роль в управлении страной, и вся русская история XVIII века по существу своему является историей борьбы между олигархическими аппетитами русской аристократии и стремлениями монархов прочно внедрить абсолютное признание своей единой воли. Конечно, ввиду полной разобщенности монарха с народом дворянство неизбежно оставалось бы победителем в этой борьбе, если бы его притязания покоились на идейной, а не на корыстной почве. Но «верхи» в погоне за благами земными разбивались на партии, и стоило одной кучке взять верх, как другая немедленно начинала вести подкоп против нее.

Немудрено, что при таком положении вещей период от Петра Великого до восшествия на престол Александра I был столь богат так называемыми «дворцовыми революциями». Особенностью последних были их крайняя изолированность и однообразие рецептов. Не только народ в широком смысле этого слова, но даже ближайшие придворные не всегда знали, просыпаясь утром, что вчерашний монарх уже свержен и сегодня царит новый. А рецепт употреблялся всегда один и тот же: брали роту солдат и арестовывали венценосца – только и всего; простота, которой не встретишь в истории переворотов всех других стран.

Петр Великий всю жизнь работал над освобождением трона от олигархических притязаний дворянства. Для противовеса родовому дворянству он вызвал к жизни дворянство служилое, где недостаток происхождения с лихвой восполнялся талантами и работоспособностью. Именно при нем и даже в его присутствии вельможа из бывших пирожников Меншиков сказал убогому разумом князьку Рюриковичу, кичившемуся своим происхождением: «Ты, батюшка, потомок, ну а я – предок!» Если бы Петру I было дано жить два века или если бы ему наследовал достойный его, преобразователя, монарх, то самодержавная власть, опираясь на новое, служилое дворянство, была бы упрочена. Но Петр Великий умер, не завершив своего дела и даже не назначив себе наследника. Это сразу поставило трон в зависимость от партий.

В то время были две партии: одна хотела видеть Екатерину I русской государыней, другая настаивала на правах внука Петра, сына царевича Алексея (Петра II), и соглашалась только на регентство Екатерины. Верх взяла первая партия, Петр II был объявлен наследником.

Царствование Екатерины I и Петра II вполне подходило под мерку олигархических претензий дворянства. Екатерина I не имела никаких данных для сознательного правления, Петр II был слишком юн для этого. Это разожгло аппетиты: после смерти Петра II дворянство самовольно обошло права цесаревны Елизаветы и призвало на трон племянницу Петра Великого, герцогиню Курляндскую, Анну Иоанновну.

Призывая ее на трон, знать поставила весьма немалые условия, а именно: ограничение самодержавия. Согласно им императрица ровно ничего не могла делать своею властью без согласия тех восьми персон, из которых состоял Верховный Тайный Совет. Анна Иоанновна согласилась на эти условия, которые давали большой вес партии князей Долгоруких и Голицыных. Зато возмутились Головкины, Трубецкие, Бярятинские, Черкасские и др. На сцену была выдвинута вершительница судеб многих последующих монархов – «рота солдат». И вот, опи-

раясь на армию, императрица разорвала подписанную ею олигархическую конституцию и стала править «самодержавно».

Анна Иоанновна призвала ко двору дочь своей старшей сестры Екатерины Иоанновны – принцессу Мекленбург-Шверинскую Елизавету-Екатерину-Христину, во крещении – Анну Леопольдовну. От брака Анны Леопольдовны с принцем Антоном-Ульрихом Брауншвейг-Люнебургским родился принц Иоанн. Умирая, Анна Иоанновна назначила своим наследником последнего, а регентом повелела быть герцогу Бирону.

Бирон имел свои счеты с родителями малолетнего императора, которые и поспешили поэтому отделаться от неудобного регента. На сцену вновь вышла «рота солдат» – Бирон был арестован, Анна Леопольдовна провозгласила себя правительницей.

При обеих Аннах в России царил полное немецкое засилье. В мемуарах современников то и дело встречаются такие фразы: «Такой-то отличился и должен был получить командование полком, но, на свою беду, он русский». Этим положением вещей воспользовалась цесаревна Елизавета Петровна и с помощью «роты солдат» арестовала всю семью малолетнего императора.

В дальнейшем все та же «рота солдат» фигурировала еще раз при ниспровержении Екатериной II своего супруга и наследника Елизаветы – Петра III. Сын и наследник Екатерины II император Павел был устранен уже без участия «роты» усилиями ближайших придворных. Это была последняя «дворцовая революция».

При императоре Николае I нашумевший бунт декабристов был последним активным усилием дворянства и армии вмешаться в государственную жизнь. Но это было вызвано уже совершенно иными идейными мотивами, да и представляло собой отзвук XVIII века в XIX, своего рода исторический пережиток. С XVIII веком окончательно умерли олигархические претензии дворянства.

II

Мы упоминали выше, да и иллюстрировали примерами однообразие рецептов русских переворотов XVIII века. Но для одного из этих переворотов, а именно для революции 1741 года, возведшей на российский престол императрицу Елизавету, необходимо сделать оговорку: переворот 1741 года по своей внутренней подоплеке был гораздо сложнее, чем можно было подумать, судя по первому взгляду. Достаточно вспомнить только, что весьма активное участие в подготовке к воцарению Елизаветы Петровны принимал французский посол Шетарди. Из сборника донесений Шетарди, извлеченных из французских архивов Тургеневым и переведенных Пекарским, можно видеть, что это делалось не без участия французского правительства. Значит, в данном случае мы имеем дело не только с проявлением олигархических тенденций русского дворянства, но и с планомерной иностранной интригой.

Действительно, достаточно самого поверхностного знакомства с историческими документами, чтобы убедиться, что переворот 1741 года при всей своей внешней простоте и шаблонности внутренне довольно сложен. Это было далеко не случайное явление, а логическое следствие ряда взаимодействующих причин, корни которых разветвлялись широко и по времени и по пространству.

Предлагаемый роман бытописует именно этот переворот, и сложность последнего в достаточной мере усложняет задачу автора. Историческое повествование должно соединять в себе достоинства и художественного романа, и исторического очерка. Но первый требует живости изложения, второй ясности исторического рисунка эпохи. В то же время ничто так не мешает необходимому нарастанию интереса развития романической интриги, как бесконечные отступления в область исторических ссылок и справок. Стремясь как-нибудь выйти из этой дилеммы, автор решил выделить всю историческую часть в настоящем предисловии.

Мы уже указывали выше, что интересующий нас переворот произошел не без участия французского правительства. В какой же мере и степени выразилось это участие?

Ответ на последний вопрос нам может дать краткий очерк истории русско-французских сношений, к которому мы и обращаемся.

III

Впервые о прямых попытках к русско-французскому союзу упоминается в хрониках XVII века, когда в 1629 году к царю Михаилу Федоровичу явилось чрезвычайное посольство от Людовика XIII. Глава посольства, Дюгэй-Корменен, от имени своего короля приглашал русского царя слиться тесным союзом с Францией. Ведь «белый царь» – глава православия, а французский король – глава католических стран; таким образом, если два таких «потентата» будут действовать заодно, то им покорятся все остальные государства.

Предложение Корменена встретило очень благосклонный прием, но Московия была тяжела на подъем, и дело кончилось простыми уверениями в дружбе. Вплоть до Петра Великого вопрос о союзе с Францией оставался совершенно открытым.

В первое время своего царствования Петр I не мог помышлять о союзах. Россия терпела военные неудачи, а союз с иностранным государством только тогда выгоден обеим сторонам, когда и та и другая стороны верят в обоюдную мощь. Русскую мощь еще надлежало доказать. Только разгромив шведов и отомстив туркам за неудачи Прутского похода, Петр обратил взоры на Францию.

В то время Францией от имени малолетнего Людовика XV правил регент (герцог Орлеанский). Петр I послал в Париж своего агента (Зотова), который должен был позондировать настроение и, если возможно, подготовить почву. Но никаких дипломатических полномочий этот агент не имел. Петр имел свои основания не желать, чтобы о его планах узнали другие державы. И вот, не оповещая никого о своих намерениях, Петр в конце 1716 года отправился в заграничное путешествие и через Пруссию прибыл в Голландию, которая в то время представляла собою нечто вроде «меры международных соглашений». Голландским представителем Франции был маркиз Шатонеф – личность, по своему положению и качествам пользовавшаяся особенным доверием правительства. Петр послал к Шатонефу своего министра, князя Куракина, который и сообщил французскому послу о желании русского императора завязать союзные сношения с Францией; Куракин просил Шатонефа сообщить своему правительству, что Петр лично направляется с этой целью в Париж.

Донесение Шатонефа привело правительство регента в большое смущение.

На это были две причины. Россия открыто враждовала с Англией, а Франция в дружбе последней весьма нуждалась; кроме того, ни Англия, ни Франция не признали еще официально императорского титула Петра, и посещение Парижа царем грозило немалыми затруднениями. И вот Шатонеф получил предписание: внешне склоняться на всяческие заверения в дружбе, но по существу не решать ничего и ничего не отвечать на желание царя посетить Париж. Авось пронесет Господь!

Но не с Петром можно было вести такую политику!

Разгадав французскую тактику, Петр, никого не предупреждая, в марте 1717 года сел на корабль и отправился в Париж, куда и прибыл 7 мая того же года.

Тут, на месте, в Париже, Петр не добился ничего. Франция была очень склонна связать быстро крепнувшего «северного колосса» выгодным договором, но, на беду, о переговорах узнала Англия, вмешалась энергичной нотой, и Петр уехал как бы ни с чем. Однако это было только «как бы». Через два месяца в Амстердаме был подписан договор между Францией, Пруссией и Россией.

После подписания этого договора между обеими странами – Францией и Россией – воцарились очень хорошие отношения. Первая сразу же сумела оказать второй большую услугу: по энергичному представлению французского посла при шведском дворе, Кампредона, шведское правительство пошло на уступки, и в Нюстадте был подписан очень выгодный для России мир (1721 г.). После этого Кампредона назначили министром-президентом при петербургском дворе.

IV

Во время своего пребывания в Париже Петру пришлось повидать и малолетнего короля Людовика XV. Царю очень понравился этот крошечный король, который уже умел осанкой и благородными жестами свидетельствовать о своем сане. Вопреки всяческому этикету Петр схватил короля-ребенка, поднял его на воздух и расцеловал. «Очень возможно, – говорит А. Вандаль, – что именно тогда царю пришла в голову мысль женить короля на своей дочери, царевне Елизавете».

На первых порах об этих планах сноситься с Францией было неудобно. А там пришла весть, разрушившая их: правительство регента избрало невестой Людовику малолетнюю инфанту испанскую, которую привезли во Францию и стали воспитывать в качестве французской принцессы. Ко времени приезда в Россию Кампредона Петр уже узнал об этом. Но он не оставлял мысли породниться с Францией, и когда посол прибыл в Кронштадт, встретил его там, а через полчаса уже посвятил его в свои планы: сын регента, герцог Шартрский, был уже холост: если бы его женить на царевне Елизавете, то Россия помогла бы провести герцога на польский престол.

Таким образом, три страны, связанные теснейшими узами крови, могли бы действовать заодно. При этом Петр таил в уме еще иное: Людовик был слаб здоровьем, с ним то и дело происходили припадки, умри он без потомства – и первым кандидатом на французский престол явился бы герцог Шартрский; значит, Елизавета все-таки вступила бы на французский престол!

Сам Кампредон был всецело на стороне брачных проектов Петра, но его правительство хотело как можно больше выгод и решило отмалчиваться. Петр негодовал, Кампредон слал депешу за депешей. Положение стало очень напряженным, и Петр замкнулся в оскорбленном молчании. Кампредон сознавал, какую бестактность совершает его правительство отмалчиваясь, но что он мог поделать? Между прочим, в своих письмах Кампредон очень восторженно отзывался о наружности и общей «приятности» царевны. Что же касается ее воспитания и образования, то... он спешил уверить, что с умом и способностями Елизаветы все дефекты могли бы быть скоро исправлены...

В 1723 году регент Франции, герцог Орлеанский, умер, и Людовик передал власть главе дома Конде, герцогу Бурбонскому. Впрочем, это только говорилось официально, а на самом деле власть перешла к возлюбленной герцога маркизе де При, которая принялась теперь вертеть страной и ее политикой так же безалаберно, как до того вертела одним герцогом. Маркиза была вздорна, неумна и недостаточно образованна. Ее друг д'Аржансон записал в своих мемуарах: «В течение двух лет маркиза управляла государством. Но сказать, что она управляла хорошо, это уже другое дело!» Да и могла ли она управлять «хорошо», если в своей внутренней и внешней политике руководствовалась только капризом и воображением? Не зная истинной политической физиономии союзных стран, маркиза дополняла дефекты знания вымыслом и воображением и считалась не с действительными обстоятельствами и условиями, а с ею же лично придуманными. Немудрено, если такая политика ввергла Францию в большую политическую ошибку.

Оставив брачные проекты, Петр стал искать только прочного союза с Францией. Но на одно из его предложений инспирированный маркизой регент, герцог Бурбонский, дал царю такой сухой, резкий, невежливый ответ, что, казалось, с Францией будет порвано навсегда. Только смерть Петра (1725 г.) помешала открытому разрыву.

V

После смерти Петра Екатерина I деятельно принялась пристраивать Елизавету.

Вообще трудно пересчитать, скольких женихов невестой была Елизавета – чуть не всех северогерманских принцев, Морица Саксонского, сына герцога Эрнеста Бирона, собственного племянника Петра II, шаха персидского и т. д. И вот в разгар этих матримониальных хлопот пришла радостная весть: надежда сделать из Елизаветы французскую королеву далеко еще не потеряна!

Еще незадолго до смерти Петра Великого французское правительство внутренне должно было отказаться от мысли женить Людовика на испанской инфанте.

С королем то и дело случались припадки, и врачи уже не раз приговаривали его к смерти. Что было бы, если бы он умер бездетным! Между тем инфанте было только семь лет, Людовику же шестнадцать; значит, еще долго пришлось бы ждать, пока свадьба могла бы состояться, но дожил ли бы до этого король?

Французское правительство начало стараться взять у Испании обратно данное слово, но Испания упорно не желала понимать никаких намеков. Тем не менее правительство разослало по всей Европе тайных эмиссаров присматривать невест. К 1725 году на основании донесений этих эмиссаров был уже составлен длинный список «годных невест». В нем второе по желательности брака место занимала царевна Елизавета Петровна.

Этот список имел чисто академическое значение. Но вдруг Людовик опасно заболел. Врачи заявили, что дни короля сочтены и что если он даже оправится от этого припадка, то проживет, во всяком случае, недолго. Если врачи того времени и ошибались не реже теперешних, то им больше верили.

Правительство встревожилось. Испания все еще продолжала не понимать никаких намеков. «Придется, – заявил министр иностранных дел де Морвиль, – идти напролом и сейчас же отослать инфанту домой». Это и было решено 11 марта 1726 года, а уже 10 апреля, когда даже французские агенты за границей ничего не знали о состоявшемся решении, императрица Екатерина I имела точные сведения о положении вопроса женитьбы Людовика XV.

Императрица тут же принялась «ковать железо, пока горячо». Вызвав к себе Кампредона, она прямо и просто предложила в невесты Людовику царевну Елизавету. На следующий день посла посетил сам Меншиков и произнес блестящую речь в защиту предложения императрицы: раз инфанту отсылают «восвояси», то почему бы королю не жениться на Елизавете? Меншиков принялся расхваливать физические и нравственные достоинства царевны, а затем помянул, что в истории уже имеются прецеденты брачных слияний Франции с Россией (в XI в. Генрих I, внук Гуго Капета, женился на дочери Ярослава), словом, с точки зрения как физической, так и исторической и политической брак Людовика и Елизаветы мог бы быть только желателен обоим нациям!

Через два дня Екатерина снова вызвала Кампредона и дополнила свой план: французского принца крови можно было бы женить на дочери изгнанного польского короля Станислава Лещинского и со временем возвести первого на польский престол!

Все это Кампредон сообщил своему правительству.

Но мы уже упоминали, что в то время Францией правила вздорная маркиза де При. Мысль о браке с Марией Лещинской пришла ей очень по сердцу, было решено женить короля на Лещинской, и эта вздорная мысль была, к несчастью для Франции, осуществлена.

Именно «к несчастью». Ни с политической, ни с физической точки зрения Мария не подходила Людовику. Ведь она была дочерью изгнанного короля, и ее-то предпочли принцессе великой монархии! А с физической – Мария была на семь лет старше Людовика XV, да и благодаря своей холодности не могла приковать к себе надолго мужа.

Правда, на первых порах у новобрачных дети рождались в самый кратчайший срок и почти без перерывов. В четыре года брака Людовик имел уже пятерых детей! Но из этого еще нельзя выводить суждение о счастливом браке короля. Необходимо помнить, что Мария Лещинская была первой женщиной, которую познал король, и что он вместе с крайней чувственностью соединял в себе величайшую застенчивость (в юности). Но стоило только ему в первый раз побороть свою застенчивость, как с женой было порвано. Впоследствии Людовик разорил Францию на своих любовницах. Да, дорого стоила стране прихоть маркизы де При!

Так или иначе, но Россия справедливо приняла этот брак как оскорбление. Меншиков категорически заявил Кампредону, что всякий другой брак был бы понятен, но только не этот. В результате Россия совершенно отвернулась от Франции и заключила союз с Австрией.

С этого момента первую скрипку в России начали играть немцы.

В 1726 году Кампредона отозвали и не заменили его никем: необходимейшие функции без полномочий вести переговоры исполнял секретарь посольства Маньян.

Правительство Анны Иоанновны не могло простить Франции афронт с царевной Елизаветой. Еще с национальным достоинством можно было как-нибудь поладить – какое, в сущности, дело было всем тем немцам, которые правили Россией, до русского самолюбия? Но если бы Людовик женился на Елизавете, это избавило бы Анну Иоанновну и ее наследников от опаснейшей претендентки. Теперь же, успев «по-свойски» расправиться со своей девичьей свободой, Елизавета Петровна решила не выходить замуж и оставалась «бельмом на глазу» русского правительства.

Франции в самом непродолжительном времени пришлось на деле убедиться в ошибочности своей политики. Польский король Август умер, и шляхта под давлением Франции избрала на польский престол отца французской королевы Станислава Лещинского. Россия сейчас же выдвинула войска в Варшаву, сместила этого короля и возвела на его место принца-электора Саксонского.

Конечно, Франция не осталась в долгу. Кардинал Флери, державший в то время бразды правления, вовлек турок в войну с Россией, а когда русские войска под предводительством фельдмаршала Миниха одержали блестящую победу, Франция сумела Белградским трактатом свести все успехи русского оружия на нет.

Варшавский скандал и Белградский мир были уроком для обеих стран. Русский двор завел переговоры о возобновлении прерванных дипломатических сношений, а версальский двор предупредительно пошел навстречу.

Анна Иоанновна назначила посланником во Францию князя Антиоха Кантемира. Тогда Людовик XV приказал французскому министру при берлинском дворе, маркизу де ла Шетарди, отправиться в Петербург французским посланником.

До нас дошел мемориал, составленный французским министерством иностранных дел и врученный послу для сведения и руководства. Там было указано, как посол должен был вести себя с точки зрения этикета, чтобы не уронить достоинства представляемой страны; что же касается политической роли, то о ней сказано очень осторожно и двусмысленно. Так, словно мимоходом замечая, что, «вспоминая незначительность права, которое возвело на русский трон герцогиню Курляндскую, когда налицо имелась царевна Елизавета и сын герцогини Голштинской, трудно предполагать, чтобы по смерти царствующей государыни не последовали волнения», мемориал тут же спешил оговориться, что король не только ничего не предписывает на этот счет своему посланнику, но и не находит возможным предпринимать что-либо. Но к чему могла служить эта оговорка, раз у французского правительства действительно не

было в мыслях интриговать против русской царствующей фамилии? К тому же далее мемориал предписывал послу «исследовать как можно вернее состояние умов, степень влияния друзей, которых может иметь Елизавета, словом, все, по чему можно было бы судить о возможности в России государственного переворота».

Вообще можно с полной уверенностью сказать, что, посылая в Россию Шетарди, Франция уже заранее считалась с возможностью вмешаться в наши внутренние дела.

Да иначе оно и быть не могло. В то время на континенте боролись три влияния: Франции, Австрии и Пруссии, и Россия давала значительный перевес той стране, с которой шла «рука об руку». При обеих Аннах – императрице и правительнице – Россия была верным другом немцев и не могла быть ничем иным. Следовательно, склонить Россию на свою сторону Франция могла только при перемене царствующей особы.

Царевна Елизавета Петровна являла все гарантии, что с вступлением ее на престол Россия от немцев перекинется к французам. С детства Елизавету Петровну воспитывали в мысли стать французской принцессой и любить все французское; кроме того, от немцев ей пришлось слишком натерпеться. Путь к сердцу «северного колосса» лежал через корону Елизаветы, следовательно, ей надо было добыть таковую!

Вот где мы, наконец, подходим к клубку, завязавшемуся в тот самый момент, когда Петр Великий поднял и расцеловал малолетнего Людовика.

VI

Из донесений Шетарди и мемуаров современников ясно видно, что с приездом маркиза де ла Шетарди Франция, официально расшаркиваясь перед императрицей Анной Иоанновной, подпольно будировала против нее, натравливая на Россию шведов и заигрывая с Елизаветой Петровной.

Трудно было подыскать для такой роли более подходящего человека, чем тридцатичетырехлетний Иоахим-Жак Тротти, маркиз де ла Шетарди. Это был идеальный образец дипломата XVIII столетия, когда от посла требовалось очень мало государственной опытности, но много лицемерия, двуличия, беспринципности и неразборчивости в средствах. К тому же маркиз был молод, хорошо сложен, красив, остроумен и любезен. Интриги были его родной стихией. Он сразу понял, чего от него ждут, а потому направился в Россию во главе блестящей свиты, с лучшим поваром того времени Барридо, с несколькими подводами великолепнейших платьев и с ста тысячами бутылок тонких французских вин (в то время французское вино служило немалым подспорьем французских дипломатов, о чем свидетельствуют уцелевшие памфлеты того времени).

Русский двор, никогда не знавший ни в чем меры, устроил Шетарди такую пышную встречу, что даже сам надменный и тщеславный маркиз был смущен. Окруженный чуть не царскими почестями, он приехал в Петербург. Императрица приняла его в торжественной, пышной аудиенции, после которой посол прямо направился к царевне Елизавете Петровне. Она очаровала его любезностью и приветливостью, но зато совсем иное впечатление вынес Шетарди от посещения принцессы Анны Леопольдовны, к которой отправился от Елизаветы.

Анна Леопольдовна и вообще-то не производила особенно счастливого впечатления, отличаясь редким безличьем и полнейшей апатичностью. Кроме того, будучи совершенной игрушкой в руках немецкого влияния, принцесса встретила французского посла оскорбительно холодно и почти невежливо. Шетарди тут же дал себе слово посчитаться когда-нибудь с нею за это!

Обосновавшись в Петербурге, Шетарди начал действовать. Прежде всего ему надо было сойтись с русской аристократией, чтобы исполнить ту часть инструкции, где говорилось об исследовании настроений умов. Но русские сторонились его.

Тогда энергичный маркиз обратился к министру иностранных дел Остерману с официальной жалобой. Русским было приказано сделать визит послу. Но, придя в первый раз по принуждению, они стали потом с удовольствием приходить добровольно: маркиз сразу сумел очаровать их обращением и угощением.

До смерти Анны Иоанновны Шетарди только заигрывал в политическом смысле с Елизаветой Петровной, но на прямую интригу в ее пользу не шел. Без денег трудно было что-нибудь сделать: Елизавета была бедна, кардинал Флери скуп. Только смерть Анны Иоанновны (ноябрь 1740 г.) заставила маркиза попринажать пружину: мешкать было нельзя, дать утвердиться на престоле Брауншвейгской династии значило надолго отказаться от мысли привлечь к себе Россию. Сначала Шетарди еще рассчитывал купить Бирона, надеясь уговорить свое правительство дать необходимые для этого средства, тем более что содействие Бирона таксировалось довольно дешево, и тогда можно было бы обойтись и без Елизаветы Петровны. Но Бирона по приказанию Анны Леопольдовны арестовали, мать малолетнего императора провозгласила себя правительницей, и теперь вне переворота для Франции спасения быть не могло.

Еще одно важное политическое событие произошло в то же время. Австрийский император Карл VI умер, завещав корону своей дочери Марии-Терезии. При его жизни это завещание – «Прагматическую санкцию» – признали все державы, но после его смерти все захотели урвать по кусочку, и на Марию-Терезию ополчились: электор баварский, король испанский, курфюрст саксонский и король прусский. Франция не могла допустить новое усиление Пруссии и встала на сторону Австрии, но исход дела зависел от того, на чью сторону встанет Россия. Правда, Россия была всецело под немецким влиянием, но ведь теперь сами немцы восстали друг на друга. Влиятельный Миних был за Пруссию, принц – супруг Анны Леопольдовны, как племянник австрийской императрицы, – за Австрию. Долго Россия не знала, на что решиться. Наконец было решено помочь Австрии. Но тут в Петербург вновь прибыл английский посол Финч, который предложил гарантировать Брауншвейгской династии русский трон, если Россия соединится с Англией против Франции. Правительница подписала договор в этом смысле.

Теперь французам немислимо было мешкать, а потому Шетарди рьяно пустился в интригу и вступил в прямые сношения с Елизаветой Петровной и ее партией.

VII

Впрочем, была ли у Елизаветы «партия»? Нет, в точном смысле этого слова ее не было. Ведь партия должна представлять собою нечто стройное, сплоченное, дисциплинированное, действующее сознательно в определенном направлении под влиянием единой центральной воли. Ничего подобного в деле Елизаветы Петровны не было: у нее были только приверженцы, обиженные правительством, а потому желавшие торжества Елизавете. Но эти приверженцы были в значительной мере бездеятельными: дальше простого ворчания и надежд на providенциальный случай они не шли. Нити заговора, руководство ими находились всецело в руках Шетарди, от которого исходили также и средства: Елизавета была слишком бедной принцессой, чтобы закармливать солдат, как она это делала, из собственного кармана.

Мы уже упоминали выше, что кардинал Флери скупился деньгами. Некоторые историки идут дальше и утверждают, что Франция вообще была почти «ни при чем» в перевороте 1741 года и что Шетарди не давал денег Елизавете. Так, например, серьезный историк и автор лучших монографий о русских государях XVIII века Валишевский, труды которого увенчаны Французской академией, категорически заявляет, что активная помощь Франции в этом перевороте – просто легенда, так как подлинные депеши Шетарди явно свидетельствуют против подобного взгляда. Зато другой серьезный историк, тоже увенчанный Французской академией, А. Вандаль, в монографии, посвященной русско-французским сношениям при Елизавете (царевне и императрице), основываясь на тех же депешах, категорически заявляет, что

деньги на революцию в России шли из Франции. Где же правда? И в чем причина такой странности, что одни и те же источники ведут к противоположным выводам?

Внимательно просмотрев депеши Шетарди и вчитавшись в доводы Валишевского и Вандаля, автор романа был вынужден безусловно перейти на сторону последнего. Прежде всего сам Валишевский дает основание упрекнуть его в некоторой небрежности обращения с фактами. Он все время старается доказать, что Елизавета не получала денег от Шетарди, тогда как самое важное – вопрос, получала или нет царица деньги от Франции. А между тем Валишевский сам же говорит, что деньги на войну с Россией дала Швеции Франция и что эта война была предпринята с целью отвлечь внимание русского правительства от внутренних дел, что должно было дать Елизавете Петровне возможность осуществить переворот. Мало того. Валишевский говорит, что шведский посол Нолькен получил от своего правительства сто тысяч экю на политическую интригу и что Шетарди, узнав об этом, подумал: «У шведов не было ни привычки, ни средств идти на такие траты. Откуда же взялись эти деньги? Те, которые тратились в Стокгольме на внешнюю политику, обыкновенно исходили от французской казны». «Поэтому, – заявил он далее, – не было ничего неправдоподобного, если и эти сто тысяч были даны Францией».

Теперь сопоставим все это с подлинным заявлением посла от 2 (13) мая 1741 года: «Будьте уверены, что признательность, которую будет питать принцесса Елизавета к Швеции, не помешает ей отличить настоящую пружину, приведшую машину в действие».

Иначе говоря, даже в тех случаях, когда деньги шли через третьих лиц, фактически давала их Франция. Можно ли говорить после этого о том, что активная помощь Франции – просто легенда?

Вся ошибка Валишевского заключается в том, что он не дал себе труда заметить, как часто одна депеша противоречит другой. Но это вполне понятно и естественно: многое заставляет предполагать, что Шетарди составлял свои депеши так, что даже и будучи расшифрованы, они оставались не вполне доступными для непосвященного: под внешним смыслом таился еще другой, внутренний, тайный.

Разумеется, мы не можем подробно останавливаться на доводах «за» и «против», так как это значило бы пускаться в историческую полемику, для которой в данном труде не может быть места. Мы просто хотели предупредить читателя, что высказываемый нами взгляд разделяется не всеми и что для нас лично убедительным кажется взгляд Вандалья.

Весьма характерным в этом отношении является следующее место из депеши Шетарди от 21 апреля. Шетарди говорит, что Елизавета исчислила расходы на революцию в сумме ста тысяч рублей. «Я передал принцессе, что король, постоянно занятый мыслью содействовать ее счастью, охотно доставит средства на покрытие издержек, как только будет указано, каким способом сделать это секретно».

Из дальнейших депеш можно догадаться, что Шетарди нашел этот способ: в Петербурге жил некто де Ман, у которого в Париже был богатый дядюшка; де Ман вел широкую жизнь и крупную картежную игру. Что было мудреного, если богатый дядюшка посылал своему единственному наследнику деньги на покрытие трат по такой разорительной жизни?

Действительно, два разных документа проливают некоторый свет на это. Из депеши Шетарди явствует, что он достал для Елизаветы Петровны некоторую сумму денег, которую взял взаймы у приятеля, выигравшего много в карты; Шетарди просил, если можно, вернуть деньги этому «приятелю». А из секретных документов французского министерства иностранных дел явствует, что в первых числах октября 1741 года тайный агент министерства с чисто опереточными предосторожностями передал в кафе де Фуа эту сумму денег маркизу де Ман, который не замедлил послать их своему племяннику в Петербург. Вообще дальнейшее сличение дат наводит на мысль, что депеша Шетарди говорит не о совершившемся, а о желаемом факте, то есть, как мы уже говорили, под наружным смыслом депеши скрывался другой, внут-

ренный смысл, и депешу надо истолковывать так: «Пошлите через де Мана такую-то сумму мне».

Разумеется, все заставляет предполагать, что Франция дала очень много денег прямо в руки Елизавете. Но это уже детали. Важно то, что Франция тратилась на переворот, что хотя из осторожности она прикрывалась Швецией, но фактически не партия, не приверженцы, а Франция возвела на престол царевну Елизавету Петровну.

Итак, внимательное рассмотрение фактов говорит за то, что партии в точном смысле этого слова у Елизаветы не было.

Из ее приверженцев наиболее деятельными были доктор Лесток, ганновержец родом, но француз по происхождению (его биографию читатель найдет на страницах романа), камергер Воронцов, немец Шварц и еврей Грюнштейн. Близкий в то время Елизавете Алексей Разумовский непосредственного участия в интриге не принимал: и тогда, как и впоследствии, он держался в стороне от политики.

Наиболее деятельным был Лесток. Через него-то главным образом и сносились Елизавета с маркизом Шетарди, и если некоторые историки и отрицают значительность роли Шетарди, то значительности роли Лестока в перевороте 1741 года, кажется, не отрицает никто.

VIII

Дальнейшее течение этой интриги достаточно отражено на страницах нашего романа. Поэтому коснемся ее только вкратце.

Франция и Швеция выработали такой план действий: Швеция объявит России войну, а когда это отвлечет внимание правительства, Елизавета Петровна произведет переворот в свою пользу. Но в благодарность она должна отдать Швеции все отнятые у последней Петром Великим земли.

Ни Шетарди, ни шведский посол Нолькен не учли горячей любви Елизаветы к родине и преклонения памяти отца. Елизавета наотрез отказалась от короны, которую можно получить жертвуя интересами родины. Переговоры замерли, но Елизавету это не беспокоило; возмущение солдат и дворянства немецким засильем все росло, на французские деньги уже успели подготовить почву, и теперь оставалось ждать благоприятного момента.

Вдруг Шетарди узнал, что граф Линар, давнишний возлюбленный правительницы Анны Леопольдовны, в точности проведал о роли французского посла. Хотели даже арестовать и судить Шетарди, но маркиз смело заявил, что выбросит из окна всякого, кто осмелится явиться к нему без разрешения. Хотели арестовать Елизавету Петровну и посадить ее в монастырь. Но, с одной стороны, уже боялись очень идти напролом, чтобы не усилить раздражения среди войска и дворянства, а с другой – какую пользу могло принести устранение Елизаветы теперь, когда интрига была в полном ходу, а за границей благополучно проживал ее племянник (впоследствии Петр III)?

Пока правительница Анна Леопольдовна разводила руками, не зная, на что решиться, Шетарди пошел на мировую с Елизаветой, отказался от требования территориальных уступок в пользу Швеции и требовал одного: чтобы все приверженцы немцев были устранены и понесли суровую кару. На это Елизавета согласилась, и мир был заключен.

Вскоре с помощью преобразенцев Елизавета арестовала все правительство, не исключая и малолетнего императора Иоанна VI Антоновича. Двадцать шестого ноября утром проснувшиеся петербуржцы узнали, что на русский престол вступила императрица Елизавета Петровна.

IX

Наша задача будет недостаточно полна, если мы не дадим краткой характеристики личности Елизаветы.

По удачному выражению профессора В. Ключевского, Елизавета представляла собою типичную русскую барыню XVIII века. Умная и добрая, но малообразованная и плохо воспитанная, а к тому же капризная, своенравная и беспорядочная, императрица Елизавета была человеком момента. В этом заключается разгадка той двойственности, которая поражает нас в ней.

Елизавета была очень проста в обращении, любила толкаться по девичьей; сама наряжала прислугу к венцу и любила смотреть в дверную щелочку, как веселится дворня. Но в то же время самое пустячное нарушение этикета могло показаться ей величайшим преступлением. Елизавета терпеть не могла политики, дипломатических тонкостей и переговоров.

А между тем в своих покоях она устроила нечто вроде интимного кабинета из приживалок и сплетниц, где премьером была Мавра Шувалова; «предметами занятий этого кабинета были сплетни, наушничество, всякие каверзы и травля придворных друг против друга, доставлявшая Елизавете великое удовольствие». Елизавета была очень ласкова в обращении, но из-за пустяка приходила в неистовство и бранилась более чем неподобающими словечками, не разбирая, кто перед нею – мужчина или женщина, лакей или министр.

Родившись на переломе прежней азиатчины и европейского свободомыслия, Елизавета совмещала в себе московскую набожность с французским легкомыслием и распушенностью. От вечерни императрица неслась во весь опор на бал, а с бала уезжала, чтобы поспеть к заутрене. Она молилась долго, истово и искренне, но по временам прерывала молитву, чтобы подойти к зеркалу и лишний раз полюбоваться на свои «приятности».

Более всего любя мир, Елизавета воевала половину своего царствования. Ценившая образование, основавшая первый русский университет, Елизавета до конца своих дней была уверена, что в Англию можно проехать сухим путем. На куртаги, балы, маскарады, шествия и т. п. тратились огромные деньги, а между тем модные французские магазины отказывались кредитовать императрицу, так как из дворца совершенно невозможно было получить деньги по счету. Парадные комнаты дворца поражали роскошью, но жилые просто не соответствовали своему названию, так как «жить» в них было совершенно невозможно: было тесно, убого, неряшливо, двери не затворялись, сквозь окна дуло, по стенам текла вода. После императрицы осталось 15 тысяч платьев и два сундука шелковых чулок, а между тем мебели и сервизов было так мало, что при переездах императрицы из дворца во дворец приходилось все таскать за собой. Словом, четыре строки «Русской истории от Гостомысла» А. Толстого в значительной степени исчерпывают личность Елизаветы:

Веселая царица
Была Елизавета,
Поет и веселится,
Порядку только нет.

Да, «порядка» у императрицы Елизаветы не было ни в чем и никогда!

Часть первая. Людовик

І. Король скучает

Зима 1738/39 года отличалась необычной даже и для Парижа мягкостью, а вернее, так ее и вовсе не было. Ни снега, ни морозов; как заладил осенью мелкий, унылый дождик, так и шел почти без перерыва все время. Сырость стояла невообразимая; парижане хрипели, чихали, кашляли и на чем свет стоит проклинали ужасную погоду.

Впрочем, на сырость ворчали только зажиточные, а бедняки, количество которых неизменно возрастало с каждой новой палочкой, прибавлявшейся к имени Людовиков, вступавших на трон, только радовались. Все равно в тех ужасающих подвалах, куда загоняла их нужда, всегда было сыро, но зато отсутствие морозов избавляло их от забот доставать топливо. Хоть тепло было – и то слава богу!

В январе выпал снежок, который пролежал целых три дня. Думали уже, что установится запоздалая зима. Но в одно действительно прекрасное утро парижане, проснувшись, увидели безмятежно-голубое небо и дивное, яркое, теплое солнце, спешившее теперь с лихорадочной энергией наверстать то время бездеятельности, которое пришлось ему провести за густым пологом серых зимних туч. Снег быстро стаял, земля обсохла. Налетели веселые пташки, деятельно занялись витьем гнезд, и к началу карнавала творческая работа весны была уже в полном разгаре. Из-под земли гордо высунулись молодые, сочные ростки, жадно тянувшиеся к материнским ласкам солнца, высыпали скромные, хрупкие анемоны. Почки деревьев надулись, набухли и в одну из теплых весенних ночей лопнули, развернувшись ярко-зеленым ажуром юных листочков.

Солнце примирило и богатых и бедных: все радовались весне, всех тянуло к солнцу. Улицы наполнялись пестрой народной толпой, и опять парижане, забывая свои беды и несчастья, зажили той бесшабашной, поверхностной жизнью, где острое словцо и веселая шутка ценились зачастую дороже необходимого хлеба. Богатые с надменным видом направлялись за город в экипажах, бедные шли туда же пешком, перебрасываясь веселыми шутками насчет первых. Тут, среди осыпанной царски-щедрыми дарами весны зелени Булонского леса, они уже не чувствовали себя обделенными: разве не одинаково приветствуют радостным щебетаньем веселые птахи и бедных и богатых? Разве не одинаково ласкает их солнце? Разве шаловливый демократ-ветерок делает какую-нибудь разницу между пышными перьями дорогих шляп и дешевыми ленточками скромных, кокетливых чепцов?

О нет, в особенности что касалось последнего, то, по мере того как день клонился к вечеру, его шалости становились все более и более неразборчивыми и дерзкими. Изящному, выхоленному, изнеженному герцогу Ришелье ветер засыпал глаза пылью, а когда при виде его смешных гримас какой-то рабочий расхохотался во весь рот, то шалун набил пыли полный рот смешливому. Старой, накрашенной, намазанной маркизе де Бледекур, тратившей немалые деньги на содержание целого штата молодых возлюбленных, ветер растрепал гигантское страусовое перо и в заключение шлепнул ее им же по лицу. А когда молоденькая, хорошенькая гризеточка, увидав это, крикнула: «Осторожно! Штукатурка обвалится!» – то ветер счел своим долгом почтить и ее своим вниманием и с этой целью немедленно накинул ей юбку на голову, к немалому удовольствию двух молодых студентов. Видимо, не чувствуя ни малейшего почтения даже к принцам крови, ветер вырвал из рук герцога Шартрского миниатюрный, тоненький платок, которым его высочество собирался смахнуть пыль с высочайшего лица, высоко взметнул его кверху и понес между верхушками деревьев, но тут же одумался и кинул платок

на ближайший сучок, а сам, словно напраказивший школьник, понесся во всю прыть далее, поиграл флюгерами в Сен-Клу и, наконец, забрался в дивный Версальский парк.

Одно из раскрытых окон дворца привлекло внимание ветерка. Он заглянул туда, потом схватил прошлогодний сухой листик, заброшенный на подоконник его предшественником, и кинул его на пол. Листок шурша покотился по вычурному паркету мимо золоченой штофной кушетки, на которой лежал развалясь мужчина лет тридцати. Если бы не открытые глаза, с мечтательным видом устремленные к искусно расписанному потолку, то можно было бы подумать, что лежавший спит. Беспросветной скукой, отчаянием тоски, ленивым безмолвием веяло от всей его фигуры. Одна рука судорожно вцепилась в пышные черные локоны, другая, державшая раскрытую книгу, безнадежно свесилась к полу. Ветер пощекотал эту руку листиком, поиграл прядями локонов, шумно перевернул несколько страниц книги, однако лежавший не шелохнулся. Тогда, охваченный непонятным испугом, проказник опрометью бросился обратно в окно, досадливо стукнув по дороге рамой. Но и этот шум не вывел лежавшего из его лениво-тоскливой неподвижности.

То был молодой французский король Людовик XV. Ему было тогда только двадцать девять лет, он был недурен собой, царствовал над большой и прекрасной страной... и все-таки скучал, скучал так, как только может скучать человек!

Когда он родился, никто не видел в нем короля. Боже мой! Сколько лиц стояло между ним и тронем! На французском престоле восседала величественная особа его прадеда Людовика XIV, наследником престола был его дед, великий дофин Франции Людовик, после которого трон должен был перейти к герцогу Бургундскому Людовику, отцу Людовика XV. И только когда-нибудь потом, после этого длинного ряда венценосных Людовиков, должен был прийти черед царствовать старшему брату Людовика XV, а самому Людовику предстояло так и прожить свою жизнь в качестве родственника королей.

Так считали люди. Но смерть, смеющаяся над всеми людскими расчетами, одним мановением своей губительной косы расчистила ему дорогу к трону. Умер старший брат, умер отец, дед... Последним умер самый старший – великий Людовик XIV. И вот пятилетним ребенком Людовик XV вступил на французский престол.

Его увезли в Венсенский замок, от его имени стал править регент, герцог Орлеанский.

Поднялась целая вакханалия злоупотреблений. Финансист-маг Лоу, англичанин родом, придумал заменить звонкую монету бумажками-обязательствами. Печатный станок без отдыха нашлепывал тысячи банкнотов. Лоу был очень любезен – никто из аристократов, обращавшихся к нему с просьбой снабдить ценными бумажками, не уходил с пустыми руками. И вот настал момент, когда этих бумажек было выпущено в оборот много больше, чем в состоянии была оплатить Франция. С государством произошло то же, что бывает в таких случаях с частными лицами: оно обанкротилось!

Франция не скоро оправилась от этого удара: с момента банкротства королевская власть держалась только по инерции, одними традициями. Народное недовольство все возрастало. Аристократия безмятежно плясала у самого кратера губительного вулкана, развернувшегося у ее ног в 1790 году.

Тринадцати лет (1723 г.) Людовик был объявлен совершеннолетним. Через десять месяцев после этого герцог Орлеанский умер, и Людовик мог бы, если бы захотел, лично взяться за управление страной. Но он не захотел: одна мысль о тяготах управления пугала его. Еще не успел остыть труп герцога Орлеанского, как Людовик вручил власть герцогу Бурбонскому. По счастью, бессмысленному правлению герцога, или, вернее, – его возлюбленной маркизы де При, скоро был положен конец. У кормила власти встал и не покидал его до самой смерти кардинал Флери.

Людовику не было шестнадцати лет, когда его обвенчали с двадцатитрехлетней Марией Лещинской. В то время, как свидетельствует де Вильяр, король был робок и застенчив до

неловкости, малоречив до неприличия. Единственным удовольствием его тогда была охота. До свадьбы Людовик XV совершенно не знал женщин: развратный сам, герцог Орлеанский сумел уберечь своего питомца от тлетворных нравов версальского двора. «Все дамы готовы на интригу с королем, – говорит все тот же Вильяр, – но сам король не готов». Впрочем, впоследствии король с лихвой наверстал все, упущенное им.

Слишком застенчивый и неловкий, чтобы пускаться на интриги с придворными дамами, и в достаточной мере чувственный, Людовик на первых порах показал себя очень нежным мужем. Мария Лещинская с завидной аккуратностью приносила ему в законный срок по принцу или принцессе, а то и по две сразу. Такая семейная идиллия продолжалась до 1732 года. К этому времени королева стала уставать от бурных ласк мужа, а Людовик с затаенным вожделением начал осматриваться по сторонам, жадным взором останавливаясь на прелестях придворных дам. Одна из них, пылкая и кроткая де Майльи, в особенности дразнила сладострастие короля. Это было замечено, придворные принялись толкать де Майльи в объятия короля. Графиня была очень не прочь завлечь в свои пламенные объятия Людовика, но преградой стояла его застенчивость. Раза два-три де Майльи при свиданиях с королем пускала в ход весь арсенал своих явных и тайных прелестей, однако дело не подвигалось ни на шаг: король не решался изменить жене. На помощь пришел случай. Вечером того дня, когда де Майльи удалось особенно сильно всколыхнуть страстные грезы Людовика, король послал своего камердинера к жене с сообщением, что его величество предполагает провести эту ночь на половине ее величества. Королева ответила, что она не может принять короля. Людовик вновь послал камердинера к королеве с заявлением, что король не принимает отказа. Когда же жена опять дала все тот же сухой и категорический ответ, Людовик вспыхнул гневом и поклялся, что больше никогда не потребует от королевы исполнения ее супружеского долга. Это сейчас же стало известно, на следующий день де Майльи возобновила свою попытку овладеть любовью короля, и на этот раз попытка увенчалась полным успехом.

У природы, которые сдержанны и нравственны только в силу застенчивости, надлом скромности является полным ее крушением. Так, плотина стоит неизбежно только до тех пор, пока вода не прососет в ней еле заметного хода. А случилось это – и бушующая страсть несется бурным потоком, выходя из берегов и затопляя все границы благоразумия.

Плотина застенчивости Людовика XV была подрита объятиями де Майльи, и с этого момента король с ненасытной жадностью кинулся на удовольствия. Быстро составилась кружок придворных, начался ряд веселых охот, пирушек, маскарадов. Версальский дворец показался теперь слишком величественным и холодным для этого веселого времяпрепровождения. И вот Людовик приказал отделать замок Шуази, и там стали происходить веселые вакханалии. Для того чтобы веселиться без помехи, Людовик XV ввел в этикет правило, запрещавшее мужьям сопровождать придворных дам, отправлявшихся с королем в увеселительную поездку. Во внутреннем устройстве замка также было принято во внимание все, чтобы устранить стесняющую помеху. Так, в столовой был устроен механизм, поднимающий из кухни накрытый стол, – таким образом, блюда подавались и убирались без непосредственного участия прислуги.

Эта жизнь стоила много денег. Кардинал Флери, фактически правивший страной, был очень скуп, но отказать королю в деньгах он не решался, чего доброго, король еще сам возьмется за управление, а это обошлось бы еще дороже... И кардинал хоть и кряхтел, но довольно широко открывал государственную кошницу к услугам Людовика.

Жизнь текла весело, привольно, беззаботно. Казалось, и конца не будет всем развлечениям и проказам. И вдруг все словно сдуло. Веселье затихло, собутыльники приумолкли и ходили в полной растерянности и унынии, а веселая де Майльи проливала обильные слезы: королем овладела смертельная тоска, он неделями лежал на кушетке, отдаваясь своей гнетущей тоске, не желая и слышать о каких-либо развлечениях. Все ему опостылело, все было ему противно.

Весна, весь этот пышный пир пробудившейся природы еще более усилили его дурное настроение. Веселое щебетанье пташек, суетливо хлопотавших над витьем гнезд, наивная прелесть юной зелени, грация первых весенних цветов – все томило неосознанной мечтой, будило неведомые жаркие грезы. Действительность казалась невыносимой, мечталось о чем-то ином, не похожем на нее, красочном... В полусне чьи-то белые руки обвивали шею Людовика, чья-то горячая грудь с зыбкой страстью приникала к его груди, чьи-то алые уста застенчиво лепетали неведомую сказку любви... Людовик вскакивал, хватал трепещущими руками воздух, искал горящим взором ускользнувшее видение... Никого! Никого!.. Он вспоминал о пренебрегаемой в последнее время Луизе де Майльи, но сейчас же болезненно-брезгливая гримаса искривляла его лицо... И несчастный король спешил забыться сном, чтобы хоть в грезах пережить минуты счастья...

Однако ночь обессиливала, истомляла, сушила... И весь день король пролеживал в томной грусти на кушетке, не желая никого видеть, ни за что взяться. Каждое утро во дворец приезжали приближенные с неизменным вопросом:

– Как сегодня его величество?

И ответом им был неизменный испуганный шепот:

– Тс-с-с! Король скучает!

Король лежал, лежал, лежал... Словно тени, двигались по коридорам и залам дворца взволнованные слуги, осторожно пробираясь на цыпочках мимо королевских апартаментов. И от одного к другому неся предупреждающий шепот:

– Тише! Его величество тоскует! Тс-с-с! Король скучает!..

II. Маркиз де Суврэ

В соседней комнате скрипнула дверь, и послышались чьи-то легкие, бодрые шаги; вслед за этим дверь королевской комнаты приоткрылась, и в щель просунулась белокурая кудрявая голова с белым, нежным лицом, глубокими, большими, умными глазами и изящным аристократическим носом.

– Государь! – весело заговорил вошедший. – Это я, маркиз де Суврэ! Вашему величеству благоугодно было приказать мне немедленно явиться по возвращении из путешествия, чтобы доложить о результатах! Я только что вернулся из Пармы, и вот плоды моих поисков. Разрешите ли, ваше величество, всеподданнейше преподнести их?

– А, это ты, маркиз, – лениво ответил Людовик, не поднимая головы. – Войди!

Маркиз де Суврэ был сверстником короля и товарищем его по воспитанию. Король очень любил его общество, но совершенно не замечал его отсутствия: благодарность и стойкость привязанности вообще не входили в число добродетелей Капетингов. Зато сам маркиз действительно любил короля преданно, нежно, бескорыстно до трогательности. Только, как умный человек, понимавший, что избыток преданности, слишком явно выказываемый, порождает зависть, интриги и подкопы, Суврэ никогда не подчеркивал в присутствии третьих лиц своей исключительной любви к Людовику. Он так умело отходил в тень, что только один пронизывающий и хитрый Флери, недолюбливавший Суврэ и взаимно не любимый им, разгадывал степень значительности и влияния маркиза на короля. Для всех остальных Суврэ был совершенно безобидным весельчаком, полущутом, забавником, чудаком, любившим говорить изречениями, пословицами да стихами.

Действительно, Суврэ усвоил себе манеру высказывать свои мысли чужими словами. Отличаясь колоссальной памятью и будучи человеком необыкновенно образованным и начитанным, Суврэ знал наизусть всех классиков французской поэзии и так и сыпал стихами, почти всегда замечательно остроумно применяемыми. Это стало его второй натурой, и, даже оставаясь наедине с королем, когда не к чему было надевать свою личину, Суврэ не мог отделаться от усвоенной привычки.

Пользуясь разрешением короля, Суврэ окончательно распахнул дверь, взял из рук лакея бархатную подушку, на которой лежал какой-то беленький комочек, и направился с ним к кушетке. Тут он опустился на колени и, протягивая к королю подушку с комочком, оказавшимся очаровательной крошечной собачкой, сказал:

– Вот, ваше величество, собачка, которую так хотела иметь прелестная графиня де Майльи! Могу поручиться, что это – самый крошечный экземпляр из всего собачьего семейства. Но чего мне стоило достать его!..

Людовик лениво погладил собачонку по мягкой, пушистой шерсти и вяло улыбнулся, когда она принялась жадно сосать его мизинец.

– Что это за порода? – спросил он.

– Не знаю, ваше величество, потому что родители этого песика были вывезены каким-то английским капитаном из далекой заморской страны. Тем не менее этот песик может с гордостью воскликнуть: «*Moi, fils inconnu d'un si glorieux pere!*»¹ Ведь папаша этого маленького комочка спас от неминуемой смерти герцогиню Пармскую, выбив из ее рук стакан с отравленным питьем. Он тут же пал жертвой своего инстинкта: несколько капель жидкости попало на мордочку песика, и он испустил свою собачью душу в ужасных конвульсиях. Благодарная герцогиня приказала набальзамировать его труп. Обо всем этом я узнал в Тоскане, где мне рассказали, кроме того, что герой оставил после себя двух малолетних наследников и что миниа-

¹ Я, неизвестный сын славного отца (фр.; Расин. «Федра»).

тюрнее этой собачьей семьи нет во всей Европе. Тогда я немедленно ринулся в Парму. Увы! Герцогиня и слушать не хотела о том, чтобы расстаться с сыном своего спасителя. Благословив свою судьбу за то, что я проживал в Парме инкогнито, я подкупил придворного лакея, и вот – «C'était pendant l'horreur d'une profonde nuit»², – пес был выкраден, и я понесся с драгоценной добычей обратно во Францию, чтобы сложить ее у ног моего короля!

– Благодарю тебя, Суврэ, – ласково сказал Людовик. – Я всегда знал, что ты – мой лучший друг! Положи где-нибудь собачку и скажи потом Корбелену, чтобы он присмотрел за ней, пока я не преподнесу ее графине. А в знак моей дружбы и благодарности возьми вот это, – король снял с пальца и кинул маркизу массивное золотое кольцо, изображавшее дракона, который в бессильной ярости закусил свой хвост и как бы изрыгал пламя крупными рубинами глаз.

Суврэ подхватил кольцо на лету, пламенно прижал его к губам и с восторженным пафосом воскликнул:

Oui, puisque je retrouve un amisi fidele,
Ma fortune va prendre une face nouvelle!³

Людовик грустно посмотрел на маркиза.

– Как я завидую тебе, Суврэ, – сказал он, и в его голосе прозвучали скорбные, надтреснутые ноты. – Ты всегда так весел, так жизнерадостен! Всякий пустяк радует тебя, словно ребенка. Да и случись у тебя какое-нибудь горе, так тебе есть к кому прибегнуть, потому что я, твой царственный друг, всегда готов прийти к тебе на помощь. А я? Я, король великой страны, беднее и беспомощнее любого из своих подданных! Великая скорбь, гнетущая тоска гложут мое сердце. Жизнь кажется мне гробом, завернутым в ряд блестящих, богатых покровов. Не зная, что таится за этими покровами, я беззаботной рукой срывал их один за другим и вот увидел, что внешность – тлен и мишура, что все – гниль и прах... И к кому прибегну я в своем горе, кто утешит меня? Над королем только Бог! Что же, так пусть Он призовет меня к Себе...

– О мой король! – с непритворным отчаяньем воскликнул Суврэ, кидаясь на колени перед кушеткой и простирая к королю обе руки. – Разве это возможно? О нет, нет! Это – случайное настроение... Боже мой, чего бы я не сделал, чтобы рассеять вашу тоску! Но я верю, это пройдет! Бог не допустит!

– Я знаю, что ты любишь меня, – сказал Людовик, ласково положив руку на голову маркиза. – Знаю и то, что ты отдал бы жизнь за одну минуту моей радости...

– О, с восторгом!

– Но и любовь бывает бессильной там, где неизбежность захватывает душу своими железными тисками. Оглянись вместе со мной на мою жизнь. Что я имею, чего мне ждать, на что я могу рассчитывать?

– Ваше величество! Вы забыли Францию, нашу прекрасную, великую Францию. Как счастлива была бы она, если бы ваше величество собственноручно взяли за кормило власти и направили страну к новому блеску и славе!

– Э, милый мой! Франция отлично обходится и без меня! Да и молод я слишком, чтобы оспаривать это кормило у опытных рук кардинала Флери...

– Нет, возлюбленный король мой, что касается молодости, то недаром поэт говорит:

Je suis jeune, il est vrai, mais aux ames beun nees,
La valeur n'attend pas le nombre des annees!⁴

² Это было среди ужасов глубокой ночи (фр.; Расин. «Атاليا»).

³ Раз я вновь обретаю столь верного друга, то моя судьба отныне примет благоприятный оборот! (фр.; Расин. «Андромаха»).

⁴ Я молод, это правда, но у благородных душ доблесть не выжидает ряда прожитых лет! (фр.; Корнель. «Сид»).

Что же касается до «опытности» первого министра вашего величества, то...

– Полно, Суврэ, ты просто не любишь кардинала!

– Но при чем же здесь моя любовь или нелюбовь, государь? «J'appelle un chat un chat et Rollet un fripon!»⁵

– Оставим это, Суврэ!

– Хорошо, ваше величество, пусть не настало еще время великому королю теснее сойтись с великой страной! Но разве как человек мой король не может быть счастлив?

– Где же счастье в этой мишуре, Суврэ?

– Ваше величество, посмотрите туда, в парк! Что шепчут деревья, тянущиеся к нам своими осыпанными юной зеленью ветвями? О чем мечтают стыдливые венчики весенних цветков? О чем чирикают птички, весело собирающие прутики и пушок? Какие грезы навевают нам нежные лучи задумчивой луны? И какое великое, издавна священное слово звучит призывом в ночном гимне певца соловья? Любовь – вот то, чем одухотворен весь весенний трепет пробуждающейся природы! Любовь – вот то, что может наполнить всю жизнь без остатка!

– Любовь! – король повторил это слово с оттенком грустного презрения. – Когда я был еще мальчуганом, Суврэ, мне тоже казалось, что любовь – самый прекрасный, таинственный, заманчивый дар жизни. Если бы не моя робость, то я, казалось, обнял бы всех тех изящных, обольстительных красавиц, которые воздушным роем витали при дворе регента, я зацеловал бы всех их до смерти... Боже мой! Сколько бессонных ночей провел я, проклиная свою застенчивость!..

И вот, как сейчас помню, меня обвенчали с дочерью сверженного польского короля. Я обратил на Марию всю свою страсть, я сосредоточил на ней одной все свои грезы, в ней я целовал всех женщин, которых до того целовал мысленно. Но королева отвечала на мою любовь только покорностью, только одним сухим подчинением своей обязанности. Настал момент, когда она стала уклоняться даже и от этого. И вот, когда я сблизился с де Майльи... Я очень любил ее, да, если хочешь, люблю и теперь. Она верна, преданна, бескорытна, весела. Но она очень уж ограничена, уж очень заземлена. С ней можно забыть только в животных восторгах, но не умчишься ввысь, не унесешься к горным высотам. Я стал скучать с ней... В попытках развлечься я снизошел до многих других женщин. Каждый раз это было только мимолетным эпизодом, и каждый раз в душе оставался налет горечи. Теперь эта горечь переполнила душу и задавила ее своим невыносимым гнетом... Суврэ! Ты, он, другой, третий, любой из моих подданных можете быть счастливы в любви, но я – нет! Ведь я – король! Меня не любят – мне подчиняются. Я могу быть красивым, как Адонис, могу быть уродливым, как Вулкан. Могу быть сильным, как Геркулес, или расслабленным, как нищий Силоамской купели, – все равно, женщины будут одинаково отдаваться мне, потому что я – король! Но, отдаваясь мне, они в то же время немедленно требуют уплаты по счету своей нежности. Ведь я – король, можно ли любить меня даром? А! Ты опустил голову, Суврэ, ты задумался? Ты сам видишь теперь, что я прав и что мне нет счастья ни в чем!

– Нет, государь, вы не так объяснили причину моей задумчивости! Я поник головой в сознании того, что мы, то есть все те, которых ваше величество почтили высоким саном своих друзей, не исполнили в полной мере обязанностей дружбы. Как? Наш возлюбленный король задыхается в лабиринте жизни – и никто из нас не подскажет ему выхода!

– Но разве есть выход, Суврэ?

– Да, конечно, есть, ваше величество! Вы страдаете от того, что вы всегда – слишком король? Но почему же в таком случае вашему величеству иногда не пожить жизнью простого

⁵ «Я называю кошку – кошкой, а Роллэ – мошенником!», то есть я называю вещи своими именами (фр.). (Строка из сатиры Буало. Роллэ был прокурором XVII столетия, известным своей скупостью и продажностью.)

буржуа? Вы мучаетесь тем, что вас любят только ради вашего сана, что придворные дамы слишком испорчены для бескорыстной любви? Но почему же в таком случае не попытаться обратить свои взоры на другие слои общества?

Король приподнялся, его глаза оживились и засверкали.

– Объяснись, Суврэ! Ты говоришь загадками! – сказал он.

– Ваше величество, я тоже страдаю от неудовлетворенной любви, я тоже по временам жестоко клянусь безжалостного божка Амура. И вот, когда я возвращался сюда из Пармы, на одной из остановок я увидел, как на лужайке перед моими окнами крестьянские парни и девки танцевали бранль⁶. Взявшись за руки, они весело кружились, напевая:

J'ai vu des dames d'un haut rang,
Ce n'est rien pris de Silvie –
En corset rouge, en jupon blanc,
Ah, grand Dieux, qu'elle est jolie!⁷

Я задумчиво смотрел на одну из них и любовался ее красотой, грацией, стройностью. Я думал, как счастлив должен быть ее возлюбленный; ведь действительно наши дамы «высшего круга – ничто рядом с нею». И уж наверное она не станет мучить его так, как красавица нашего круга мучает несчастного, рискнувшего полюбить ее. Вот один из парней воспользовался удобным моментом и расцеловал свою даму. Она смеялась, отбивалась, но – боже мой! – сколько чистосердечности было в ее смехе! И я думал: вот бы хорошо поселиться в такой деревушке под видом простого человека, полюбить и быть любимым простушкой Сильвией!..

Король перебил его веселым смехом:

– Нет, ты – ужасный чудак, Суврэ! Уж не собираешься ли ты посоветовать мне отказаться от короны и поселиться в деревне, чтобы гоняться там за провинциальными красотками в красных корсажах и белых юбках?

– Боже упаси меня от этого, государь! Зачем отказываться от великого ради малого, когда можно совместить и то и другое?

– Но как же?

– Известно ли вам, государь, что теперь благодаря изобретению какого-то ученого монаха театральные залы Пале-Рояля по желанию легко превращают в бальный? Этим пользуются, чтобы устраивать там публичные балы и маскарады. Ведь теперь карнавал, государь! На эти балы собирается весь цвет женского населения Парижа. Модисточки, гризетки, лавочницы, дочери купцов и чиновников, даже маркизы и графини инкогнито, – все спешат туда, чтобы широко использовать царящую там свободу нравов. Маски свободно заговаривают друг с другом, нет ни рангов, ни чинов, ни титулов; только один божок Амур всеильно царит там, и хотя ему приходится брать с собою удесятеренный запас стрел, но ни одна из них не остается у него неиспользованной. Весна празднует там свой праздничный пир. Все, что молодо, красиво, что хочет любить и быть любимым, соединяется в общем жертвоприношении на алтаре богине Венере. Там «chaque chascun trouve sa chascune!»⁸

– И ты думаешь...

– И я думаю, что если сегодня вечером там появятся два молодых человека в полумасках, то никому и в голову не придет, что под одной из них скрывается его величество король Франции, а под другой – его верный раб, маркиз де Суврэ. Таким образом, если какая-нибудь кра-

⁶ Старинный хороводный танец с пением.

⁷ Я видал дам высшего круга, они – ничто рядом с Сильвией; Великий Боже, как она очаровательна в красном корсаже и белой юбочке! (фр.)

⁸ Каждый всякий обретает свою всякую!

сотка, обратившая на себя внимание его величества, выкажет склонность увенчать зажженное ею пламя, то ваше величество сможет быть спокойным, что ее толкнет на это не блеск королевского венца, а личное обаяние вашего величества!

Людовик вскочил с кушетки и со сверкающим радостью взором крикнул маркизу:

– Суврэ! Ты незаменим! Ты – мой истинный друг! Надо быть тобой, чтобы придумать такую прелесть! – Король даже захлопал в ладоши от восторга. – Нет, ты подумай сам, как это будет чудесно! Провести часок-другой инкогнито, быть самым заурядным участником общего веселья, пленить какую-нибудь красоточку, которая подарит свою любовь, как она думает, купчику или мелкому дворянину, а затем широко раскроет глаза, когда узнает, кто ее милый! Какая поэма восторгов, самых разнообразных, тонких ощущений открывается тут! Суврэ! Ты – гений! Можешь поцеловать мою руку!

Суврэ благоговейно приник к руке Людовика и сказал:

– Я счастлив, государь, что моя бесконечная любовь и преданность вашему величеству подсказали мне удачную мысль. Ведь у всех придворных сердце кровью истекает при виде страданий возлюбленного короля!

– Бедная де Майльи! – с участием сказал король. – Воображаю, как она исстрадалась в это время! Сколько времени уже мы не виделись! Вот что, Суврэ, ступай к ней сейчас, поднеси ей привезенную тобой собачку и передай, что я через несколько минут буду у нее. А оттуда мы с тобой отправимся в Париж!

– Слушаю и иду, государь, – ответил Суврэ.

Взяв собаку, он почтительно попятился к двери.

III. У де Майльи

Суврэ застал графиню де Майльи в полном упадке духа. Эта рослая, полная, страстная брюнетка искренне, бескорыстно любила короля, и отчуждение, которому она подвергалась в период долгой тоски Людовика, приводило ее в совершеннейшее отчаяние. Она не могла понять, что значит эта внезапная холодность. До самого последнего дня Луиза была все так же нежна, так же покорна, с той же преданностью шла навстречу малейшим желаниям своего царственного возлюбленного, как и раньше, и вдруг эта непонятная холодность! Графиня навела справки, будучи уверена, что тут замешалась какая-то новая серьезная привязанность. И прежде бывало не редко, что Людовик на краткий миг увлекался кем-нибудь из придворных дам, и тогда два-три дня Луиза де Майльи бывала в забвении. Но мимолетное увлечение быстро проходило, и Людовик с удвоенной нежностью возвращался к своей единственной доселе истинной любви.

Не то было теперь. К своему удивлению, графиня каждый раз получала все тот же ответ, что его величество не выходит из апартаментов, что никто из дам ни явно, ни тайно не проходил туда, что он отменил на это время все и малые и большие приемы и что даже его ближайшие друзья не решаются нарушить уединение заскучавшего короля. Тут уж графиня ровно ничего не могла понять. Король даже не предпочел ее другой, а просто бросил, как бросают надоевшее жабо или воротник. А ведь она так любила его!

И несчастная проводила дни и ночи в бесконечных слезах. Напрасно ее сестра, молоденькая, только что вышедшая из монастырской школы Полина де Нейль, старалась развлечь и утешить ее: Луиза ничего не слушала и только плакала, плакала и плакала.

Суврэ застал трогательную картину: старшая сестра лежала с распущенными волосами на кушетке в будуаре, а младшая меняла ей компрессы на голове.

Но, увидев вошедшего маркиза и узнав от него, что король шлет ей собачку и приказал предупредить о своем приходе, Луиза сейчас же вскочила с кушетки и сорвала с головы повязку. Слезы сразу высохли на ее засверкавших восторгом глазах, а бледные щеки заалели ярким румянцем.

– Суврэ! – вскрикнула она. – Я зацеловала бы вас до смерти от радости, если бы у меня была хоть минута времени. Но его величество сейчас будет здесь, и мне надо привести себя в порядок. Ступайте же в гостиную, дети мои, и подождите меня там! Ах, Суврэ, Суврэ! Сколько радости принесли вы мне. Такая очаровательная собачка! Где вы достали ее? Ну да вы мне потом все расскажете. Идите, идите! И его величество сейчас будет здесь? Уж не сплю ли я? Вы – прелесть, маркиз! Но ступайте же поскорее! Полина! – обратилась она к сестре своим низким, грубоватым голосом. – Да уведи же ты его, бога ради! Скажи ему, что тебе нужно передать ему кое-что от Жанны, и он с радостью побежит за тобой куда угодно!

Она со смехом вытолкала молодых людей из будуара.

– Вы только сегодня приехали, Анри? – спросила молодая девушка, усаживая маркиза в кресло около причудливого столика из черного дерева, инкрустированного перламутром и цветным деревом.

Они были дружны с детства и потому называли друг друга просто Анри и Полетт.

– Да, Полетт, я только из Пармы, куда ездил доставать собачку для вашей сестры.

– Значит, вы еще не видели Жанны?

– Нет! А что? Разве вы действительно желаете что-нибудь передать мне?

– Нет, Анри, Луиза просто пошутила.

– Жестокая шутка! Ну да счастливые люди всегда жестоки; когда они сами счастливы, они смеются над несчастьем других. Да и я-то хорош! Мог вообразить себе, что у бездушной, холодной, высокомерной Жанны Очкасовой найдется хоть словечко для меня!

– Полно, Анри, как вам не стыдно! Вы несправедливы к ней! Вы же знаете, что Жанна не бездушна и не высокомерна. Она просто глубоко несчастна. Ведь вы же знакомы с трагической историей ее прошлого!

– Вот именно, – взволнованно подхватил маркиз, – именно потому, что я знаю, насколько она несчастна, я и называю ее бездушной. Я понимаю, когда счастливые могут быть жестокими, но чтобы несчастный мог так мучить... И если бы она еще любила кого-нибудь, я мог бы понять и отстранился бы. Но она никого не любит, кроме самой себя и своей мести!

– Нет, она не любит никого, кроме вас, Анри!

– Меня? – Маркиз горько рассмеялся. – Милая моя девочка, вы, очевидно, не знаете, что такое любовь, или имеете о ней превратное понятие!

– Я уже не раз говорила вам, Анри, что Жанна не считает себя вправе отдаваться личному счастью, пока не исполнено то, что она считает долгом перед честью своего рода и перед своей родиной! Мало того, как бы она ни любила человека, но раз этот человек не идет рука об руку с ней в ее жизненных целях, она не может соединить свою судьбу с его судьбой. Жанна не похожа на большинство женщин. В ней бездна мягкости, нежности, сердечности, но там, где дело касается ее алтаря, она тверже металла... Вы упрекаете Жанну в жестокости, но и она может упрекнуть вас в недостатке любви... Разве любовь заключается в одних словах и простых уверениях? Вы знаете цель ее жизни. Что же вы сделали для того, чтобы помочь ей приблизиться к этой цели?

– Но что же я могу сделать?

– Многое, Анри. Например, согласиться на мою давнишнюю просьбу!

– Полетт, Полетт! Как вы можете требовать от меня, чтобы я...

– Милый мой, не повторяйте в тысячный раз старых фраз, а лучше лишний раз вдумайтесь в мои доводы. Не говорили ли вы сами, что Луиза – неподходящий человек для короля, что она не способна вести его к высоким целям? Не говорили ли вы, что Франция гибнет из-за того, что король отстраняется от правления, а Флери в иностранной политике возмутительно игнорирует наши интересы? Не говорили ли вы, что удивляетесь моей твердостью, патриотизмом, широте моих взглядов? Так сопоставьте все это и скажите, не совершаете ли вы из излишней щепетильности греха против Франции и своего короля? Да и чего я, в сущности, прошу у вас! Пустяка, самой маленькой помощи!

– Но помилуйте, Полетт, король никогда не полюбит вас! Правда, вы умны, начитанны, имеете больше государственных способностей, чем любой наш министр, но... простите меня!.. Вы некрасивы, Полетт, а короля болезненно отталкивает недостаток красоты в женщине!

– На это я отвечу вам, друг мой, вот что. Во-первых, если я действительно так уж некрасива...

– Не для меня, Полетт, не для меня, но...

– Без фраз и комплиментов, Анри, ведь я сама отдаю себе должную цену! И так, раз я так некрасива, то ваша помощь окажется бесполезной, а следовательно, ваша щепетильность не пострадает. Вы уверены, что мне не удастся обратить на себя внимание короля? Отлично! Так чем же вы рискуете? Луизе вы не повредите, а во мне приобретете надежную союзницу! А во-вторых, скажу вам, Анри, что хоть вы и старше меня, но, должно быть, женщина всегда старше мужчины, потому что даже при всей своей неопытности я больше знаю жизнь, чем вы, опытный мужчина. Умная женщина при благоприятных обстоятельствах всегда сумеет заслонить красивую!

– Хорошо, допустим. Но какое же отношение это может иметь к моей любви к Жанне?

– А вот какое. Вы знаете, что я – ревностная поклонница планов Жанны, а, следовательно, став близкой королю, употреблю все свое влияние на то, чтобы заставить его вмешаться в русские дела. Раз вы поможете мне в этом, значит, моей помощью Жанна будет обязана вам. Кроме того, вы со своей манерой вечно шутить и ронять якобы ничего не значащие словечки можете

оказывать на короля большое влияние, а нам это будет очень важно, принимая во внимание противодействие, которое непременно начнет оказывать Флери. Таким образом, вы станете нашим, и у Жанны не будет ни малейших оснований противиться вашей любви.

Суврэ встал и взволнованно прошелся несколько раз по комнате. Полина внимательно следила за ним, и на ее губах слегка дрожала усмешка.

– Полетт! – сказал наконец маркиз, останавливаясь перед молодой девушкой. – Можете ли вы поклясться мне, что Жанна будет моей, если я исполню вашу просьбу?

– Нет, Анри, – твердо ответила Полина, – но зато я могу поклясться вам, что Жанна никогда не будет вашей, если вы не исполните моей просьбы!

– А, раньше вы говорили другое!

– Что же я говорила? Я говорила только, что если Жанна любит кого-нибудь, так именно вас. Я говорила затем, что Жанна устраняет из своей жизни все, что мешает ее цели. Но раз вы будете работать на осуществление ее планов, то этот мотив отпадает. Но как же я могу поклясться за свершение судьбы, нити которой держит в руках только Всевышний?

– Хорошо, Полетт! Но можете ли вы поклясться мне, что будете моей верной союзницей и сделаете все, чтобы помочь мне растопить холодное сердце Жанны?

– Да, Анри, в этом я могу поклясться вам!

– Ну так слушайте! Сейчас сюда прибудет король, а потом мы с ним, переодевшись в простое, скромное платье и надев полумаски, отправимся в маскарад Пале-Рояля. Будьте и вы там, заинтригуйте короля. Вы хорошо сложены, остроумны, задорны – для женщины в маске это все!

– Благодарю вас, Анри! – с восторгом воскликнула Полина, протягивая ему обе руки. – Я никогда не забуду этого вам. Спасибо! Спасибо!

– Горькая моя судьба! – с грустной улыбкой ответил маркиз, пожимая руки Полины. – Все меня сегодня благодарят, всем я несую радость и только самому себе не могу доставить ее!

– Э! Я, кажется, застаю нежную сцену! – раздался сзади них низкий голос графини де Майльи, которая успела привести себя в порядок. – А что скажет Жанна? Смотрите, маркиз, я насплетничаю ей, как вы втихомолку ухаживаете за ее лучшей подругой!

– Ты не успеешь, Луиза, – весело ответила Полина, – не успеешь потому, что я увижу Жанну раньше тебя. Маркиз уже побывал у нее сегодня и сообщил мне, что Жанна прихворнула. Я собираюсь навестить ее сегодня же.

– Но ты не успеешь вернуться до наступления ночи, Полина!

– А что заставляет меня торопиться с возвращением? Ведь я могу переночевать у нее!

– Ну что же, только поезжай сейчас же, а то стемнеет...

Она не успела договорить, как дверь распахнулась и ливрейный лакей провозгласил:

– Его величество король!

Полина хотела бежать, но король уже входил в гостиную.

– О ваше величество! – воскликнула де Майльи, от волнения и радости будучи не в силах двинуться с места. – Как я счастлива видеть вас!

– Здравствуйте, графиня, здравствуйте! – ласково ответил Людовик. – Мы и в самом деле давно не виделись. Но я был не совсем здоров, и только мой милый Суврэ сумел вылечить своего короля. А это что за юное создание? – спросил он, указывая на Полину.

– Это моя сестра, ваше величество. Полина Фелиция де Нейль. Она была до сих пор в монастыре, где ужасно скучала и все просилась ко мне. Вот я и взяла ее. Она была мне большим подспорьем и утешением в эти дни скорби!

– Очень рад видеть вас, мадемуазель де Нейль, – милостиво сказал король, разглядывая потупившуюся Полину, что было ему не так легко, потому что она стояла спиной к окну. – Род де Нейлей известен своей преданностью нашему дому, и каждый член этого рода может

рассчитывать на нашу милость. Еще раз очень рад познакомиться с сестрой моей милой де Майльи. А теперь ступайте, дитя мое!

Повинуясь знаку руки короля, Полина и де Суврэ попятнулись к двери.

– Нам еще нужно условиться кое о чем! – шепнула Полина маркизу.

Когда дверь за ними закрылась, Людовик протянул руки к де Майльи.

– О божество мое! – стоном вырвалось у графини, и она бросилась к ногам короля, страстно обнимая его колени. – Как я измучилась в это время!

– Ты – славная женщина, Луиза, – ласково ответил Людовик, поглаживая ее по голове, – и я очень люблю тебя! Я сам пережил очень тяжелое время... точно солнце померкло и весь цвет жизни увял – так казалось мне... Но, слава богу, это прошло. Встань, Луиза, и вели подать моего любимого вина! Выпьем за то, чтобы демон уныния никогда больше не подступал ко мне!

IV. Король забавляется

Бал в Пале-Рояле был в полном разгаре, а у кассы все еще толпилась масса разного народа, спешившего принять участие в общем веселье. Вид толпы был самый разнообразный. Кто был в маскарадном костюме и в маске; кто в маске, но в обычном платье; кто в маскарадном платье, но без маски. И вид людей в «обыкновенном» платье был тоже очень разнообразен. Одни были одеты с большой роскошью, другие – чрезвычайно скромно, почти бедно. Но всякий наблюдательный человек не затруднился бы сразу определить, что под самой скромной, бедной одеждой скрывались именно самые богатые и знатные.

Здесь был маскарад, скорее, духа, чем платья: разбогатевший мещанин мечтал, что его примут за маркиза, пэр Франции надевал платье своего лакея в надежде, что ему удастся вкушать прелести лакейских развлечений. Маркиза, отчаявшаяся обрести истинную страсть среди истощенных, измотавшихся мужчин своего круга, надевала платье гризетки, рассчитывая пленить какого-нибудь мощного блузника. А мелкая кокетка брала на подержание кучу драгоценностей, надеясь пожить за счет богатого мещанина, долженствующего принять ее за маркизу и готового кинуть любой куш за кусочек «господского мяса». И все это шумело, смеялось, острило, как только умеет смеяться и острить парижская толпа.

Несколько в стороне от теснившейся к кассе толпы стояло двое мужчин, очевидно не желавших лезть в эту сумятицу. Одеты они были одинаково, с изящной, почти бедной простотой. Их лица были закрыты полумасками, но фигура, грация и гибкость движений, мягкий овал и нежность открытой нижней части лица позволяли угадывать, что оба они молоды и, вероятно, хороши собой. Несмотря на одинаковые костюмы, их трудно было спутать друг с другом. Один – тот, который был тоньше и выше, – осматривал толпу спокойным, насмешливым взглядом. Наоборот, взоры другого, более коренастого, с каким-то наивным удивлением и восторгом блуждали по сторонам. Первый был изящнее и юрче, второй мешковатее, но величественнее в движениях.

Заметив, что толпа у кассы несколько поредела, высокий сказал своему спутнику:

– Ну-с, а теперь можно взять билеты, да и туда!

Он махнул рукой в сторону зала, откуда неслись задорные звуки музыки, и достал из кармана кошелек.

Но спутник поспешно остановил его и шепнул:

– Постой, Суврэ, дай мне самому взять билеты! Должно быть, так интересно давать деньги и получать сдачу!

– Отлично, ваше величество. Но только вы забыли, что для вашего сохранения инкогнито вы должны были звать меня просто Анри!

– Но ведь и ты, Анри, забыл, что должен звать меня просто Луи! – ответил король, и они оба весело рассмеялись.

Билеты были взяты, и король с маркизом прошли в зал.

Оркестр, состоявший из двадцати четырех скрипок, шести гобоев и шести флейт, встретил их появление сочным заключительным аккордом менуэта, после чего настал перерыв, и вся пестрая толпа танцующих двинулась парами и в одиночку по галерее, отделявшейся от зала величественной колоннадой. Людовик прижался вместе со своим спутником к выступу противоположной стены и принялся жадными глазами смотреть на проходивших мимо него мужчин и женщин.

Как не похожа была эта веселая непринужденность на версальские балы и маскарады, где ни в чем не было приятной середины! Сначала – беспросветная скука и манерное жеманство, потом – циничная распущенность. Здесь же не было ни того ни другого. Люди искренне

веселились, без жеманства пользуясь правами свободных нравов карнавала, хотя отнюдь не злоупотребляли ими.

Вот идет молоденькая девушка в костюме Весны. Как прост, безыскусен и изящен ее наряд! Это скромное платье из дешевой материи, сплошь усеянное букетиками живых цветов – и только. Но что может сравниться с прелестью этого скромного убранства? Разве только она сама, эта сияющая весной шестнадцатилетняя дочь парижских улиц. Каким упоением радости, каким хмелем юности дышит взгляд ее ласковых, бойких серых глаз. Розовый пухленький ротик полуоткрыт, и – боже мой! – сколько восторгов обещает он тому, кто сумеет пробудить его к истинной страсти пламенным поцелуем!

Молоденькую Весну заметил дюжий мужчина в костюме мушкетера Людовика XIII. На нем широкая шляпа с пышным пером, черные кудри с заметной проседью падают на большой кружевной воротник, тучный стан охватывает богатая перевязь, толстые, тумбообразные ноги полускрыты громадными сапогами с широкими отворотами. Его незамаскированное лицо некрасиво, но полно важности и достоинства. Мушкетер плотоядным взором впивается в Весну и затем, сорвавшись с места, подбегает к ней, покачиваясь на ходу, и говорит что-то, подавая руку. Весна сморщивает остренький носик и задорно отвечает что-то, от чего хохочут все близстоящие. Смеется и мушкетер. Но бойкий ответ гризетки не сбивает его с позиции. Он хватает ее руку и подсовывает под свою. Весна побеждена. Счастливая, смеющаяся, она прижимается к своему полновесному кавалеру, который с изящной грацией ведет ее прочь, умело лавируя среди густой толпы.

– Да здравствует Венера и ее проказливый сынок Амур! – насмешливо крикнул им вдогонку Суврэ. – Девчонка сразу удачно начала свою карьеру: она попала на богатого и солидного кавалера!

– Ты его знаешь, Анри? – спросил король. – Скажи, это, наверное, кто-нибудь из провинциальных дворян? Он не из здешних, потому что иначе я знал бы его. Но вся его фигура полна такого достоинства, что сразу можно сказать: вот человек, занимающий высокое положение на общественной лестнице!

– О да! – ответил Суврэ. – Это действительно человек, занимающий очень высокое положение. Ведь это – Кармежу, камердинер, заведующий гардеробом герцога Ришелье!

Оба весело рассмеялись.

– Ба, а это что за прелестное создание? – шепнул король, указывая кивком головы на высокую, дивно сложенную Диану, в белокурых волосах которой сверкал полумесяц из настоящих бриллиантов. – Если бы я не боялся, что опять попаду впросак, то сказал бы, что это какая-нибудь иноземная принцесса или, по крайней мере, герцогиня!

– Это действительно принцесса и герцогиня: принцесса кабаков и герцогиня разврата, ненасытная Лилетт д'Аржилль, прозванная «пожирательницей миллионов». Прежде, когда она была молода и красива, она разорила не одного молодчика времен Регентства.

– Как «когда она была молода и красива»! – воскликнул король. – Но ведь она и теперь прелестна!

– Это потому, что

*Elle eut soin de peindre et d'orner son visage
Pour reparer des ans l'irreparable outrage⁹.*

– Но ты говоришь, что ее расцвет был во времена Регентства? – не переставал удивляться король. – Сколько же ей лет?

⁹ Она заботливо намазала и приукрасила свое лицо, чтобы загладить неисправимые повреждения, нанесенные временем (фр.; Расин. «Аталия»).

– Ей... не помню точно: что-то сорок шесть или сорок восемь!

– Но это совершенно невозможно! – вне себя от удивления заметил король, с любопытством всматриваясь в подходившую Лилетт.

– «Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable!»¹⁰ – сентенциозно ответил Суврэ строкой из «Искусства поэтики» Буало.

Тем временем «пожирательница миллионов», заметив обращенный на нее взор короля, направилась прямо к нему. Она была достаточно опытна для того, чтобы не считаться с наружной скромностью наряда на общественных балах, да и инстинкт, столь необходимый для успешной охоты всякого рода, безошибочно подсказывал ей, что перед нею чувственный, застенчивый и богатый дворянин, которого легко и выгодно увлечь.

– Мой добрый господин, – сказала она, грациозно склоняясь в глубоком реверансе, причем низко вырезанный корсаж позволил ей явить взорам обоих мужчин ее на диво сохранившиеся формы, – разве можно стоять так одиноко, так задумчиво на празднике весны и любовного опьянения? Даже я, строгая и неприступная Диана, и то вышла из обычного холодного оцепенения и брожу здесь, среди смертных, в жажде восторгов любви, в жажде нежного шепота страсти... О, дайте же мне свою руку, добрый господин! Сквозь щели полумаски ваши глаза заронили убийственный пожар в мое сердце, и как жестоко будет с вашей стороны не исправить причиненного вами бедствия. Так дайте же руку! Умчите меня в опьяняющем танце, а потом... Много даров хранит неизвестность в лоне будущего! Потом и я умчу вас в танце, в танце любви, в танце восторгов страсти. Не отвергай, о смертный, даров небожительницы!

Она взяла короля за руку и с ласковой настойчивостью тащила за собой.

Людовик с отчаянием обернулся к маркизу. Суврэ поспешил к нему на помощь.

– Прелестная Лилетт д'Аржиль... – начал он, учтиво поклонившись ей.

– Как, вы меня знаете? – улыбаясь, спросила устаревшая красавица.

– Да, – не смущаясь, ответил Суврэ, – я очень много слышал о вас от своего дедушки. Поэтому-то я и спешу избавить вас от лишнего разочарования. Какой прок для маститой «пожирательницы миллионов» в двух бедных юристах, тщетно дожидającychся практики? Мы бедны, красавица, этим все сказано!

Лилетт мягко улыбнулась, еле заметно повела плечом и, не говоря более ни слова, пошла дальше. Но последние слова Суврэ услышала толстая, заплывшая жиром дама, в которой, несмотря на слой белил и румян, покрывавших лицо и шею, и полумаску, легко было угадать более чем немолодую женщину.

– Вы бедны, милые юноши? – сказала она им, почти вплотную прижимаясь к ним своим массивным телом. – Но даже если бы вы были богаты, разве в вашем возрасте, с вашей фигурой, с нежностью вашей розовой кожи платят женщинам? Да женщины должны почитать за особое счастье, если вы позволите им платить за свою ласку! Вы бедны, сказали вы? Ну что же! Зато я богата, да-да, и не только богата, а и щедра. Я умею ценить молодость и силу, и если бы вы оба отправились сейчас со мной, то не раскаялись бы! О, не бойтесь, вам не придется ревновать друг друга. Моя страсть велика, ее хватит на вас обоих! Так едемте же!

Все время, пока она говорила, Суврэ напряженно прислушивался к звуку ее голоса, стараясь в то же время заглянуть под маску. Тонкая улыбка, заставившая ее заметно дрогнуть уголки его губ, показала наконец, что он разгадал инкогнито дамы.

Она же продолжала:

– Вы колеблетесь? Не решаетесь? Может быть, вы не верите мне? Но тогда давайте покончим деловую часть вопроса тут же! Хотите задаток? Я могу сейчас же вручить его вам! Говорите, сколько?

¹⁰ Иногда и истина может быть неправдоподобной! (*фр.*)

– Сударыня, – с утрированно-вежливым поклоном ответил Суврэ, – мы, правда, не так богаты, чтобы оплачивать ласки «пожирательницы миллионов», но мы и не так бедны, чтобы опускаться до степени утешителей устаревших прелестей пламенной маркизы де Бледекур!

– Нахал! – визгливо крикнула взбешенная маркиза, поднимая руку для удара.

Но она тут же опомнилась и поспешила, переваливаясь на ходу, словно утка, замешаться в толпу, которая веселым потоком ринулась в зал, слышав призывавший к танцам ритурнель.

– Ха-ха-ха! – послышался сзади веселый, звонкий девичий смех. – Вот что значит, когда я близко! Вам везет, господа, ужасно везет! Ха-ха-ха!

Король и маркиз удивленно обернулись и увидели вынырнувшую из-за выступа женщину, видимо уже давно незаметно стоявшую около них. Эта женщина была одета богиней счастья, Фортуной. Пышные волосы были связаны греческим узлом и поддерживались широким золотым обручем. Под широкой кисейной хламидой виднелось розовое трико, плотно облегавшее упругую фигуру богини и дававшее иллюзию обнаженности. Открытые сандалии позволяли видеть крошечную ножку, руки были совершенно обнажены и чаровали красотой очертаний, равно как и полные белые плечи. Лицо, закрытое полумаской, должно было быть благородным и красивым, – так, по крайней мере, намекали линии рта и подбородка.

При первом звуке ее голоса Суврэ вздрогнул и изумленно уставился на Фортуну. По голосу это была Полетт де Нейль – ведь он с детства знал ее и не мог ошибиться! Но по внешнему виду... Боже мой, ну ни малейшего сходства! Полетт – серенькая, некрасивая монастырка, а это – вакханка в пышном расцвете, ослепительная красавица! И все-таки это она: ее голос, ее продолговатая родинка на шее, ее неправильность в расположении двух передних зубов. Но каким же чудом, о Господи!

Суврэ всматривался, анализировал и думал:

«Это – Полетт, сомнений нет. Что же делает ее красавицей, или, вернее, – что делает ее некрасивой в жизни? Очевидно, то, что в жизни открыто, а здесь закрыто, и наоборот. Ее лицо портит некрасивый, приплюснутый нос. Но раз он закрыт, ее лицо дышит свежестью, нежностью тона. Нос закрыт и не отвлекает своим уродством от прелести очертаний лба, рта и подбородка. Кроме того, истинной красотой Полетт является то, что до сих пор было неизменно скрыто ее скромным, мешковатым платьем монастырки. У нее дивное тело, которое способно будет пленить короля и заслонить перед ним недостатки лица. Если она поведет свое дело умно, ее ставка выиграна, и я – просто осел, что сомневался в ее силах!»

Тем временем король, становившийся все смелее и развязнее в этой опьяняющей своей непринужденностью атмосфере, обратился к появившейся перед ним смеющейся женщине с вопросом:

– Но кто же ты, прелестная, раз одна твоя близость уже несет с собой удачу?

– Кто я? – с комическим удивлением переспросила девушка. – И ты еще спрашиваешь? О бедный юрист с кольцом в несколько сот луидоров на пальце! – При этих словах король и Суврэ досадливо отдернули вниз руки, вспомнив, что они действительно забыли снять кольца. – Так ты не только беден, но и слеп, потому что не видишь, что перед тобой сама Фортуна! Впрочем, люди всегда слепы перед своим счастьем!

– Но если ты действительно можешь стать моим счастьем, то я готов прозреть! – пылко произнес Людовик.

– Ты готов? – насмешливо повторила Полетт. – Однако для бедного юриста ты необыкновенно повелителен! Он готов! А готово ли его счастье стать таковым, это его не интересует! Но я сегодня очень добра, а потому, так и быть, опрокину на твою голову свой рог изобилия!

– Нет, нет, погоди! – с комическим испугом остановил ее Суврэ. – Сначала дай слово, что в этом изобилии нет изобилия старой гвардии, подобной той, которую, как ты говоришь, на нас наслало твое присутствие! Натиск двух старух мы кое-как перенесли, но если их окажется целый легион...

– Увы! – ответила Полетт, опрокидывая свой рог над головой короля. – У меня не только старух, а ровно ничего не оказалось! Рог изобилия пуст! Долой его! – И она грациозным движением откинула в сторону картонный рог.

– Ты сама – изобилие любви! – воскликнул Людовик. – Иди ко мне, дай мне обвить твой стан и умчать тебя в вихре плавной куранты¹¹.

– Не так скоро, бедный юрист, не так скоро! – ответила Фортуна, кокетливо грозя пальцем. – Это еще надо заслужить!

– Вот как? А я слышал, что счастье надо брать силой! – И, сказав это, Людовик с протянутыми объятиями кинулся к «богине счастья».

Но Полетт ловко вывернулась из его рук, сделала на ходу насмешливый реверанс и исчезла, замешавшись в сновавшую толпу.

– Черт, а не женщина! – с досадой произнес Людовик.

– Да, Луи, только здесь и можно встретить нечто подобное, – ответил Суврэ, все еще не пришедший в себя от изумления при виде неожиданного превращения скромной Полетт в эту бойкую, задорную красавицу.

– А все-таки пойдем поищем ее, – сказал Людовик.

Они двинулись по галерее. Куранта кончилась, и им снова пришлось встретиться с целым потоком толпы. Женщины, разгоряченные танцами, кидали им манящие улыбки, заговаривали, а иные даже бесцеремонно хватили за руку. Но король брезгливо отстранял от себя назойливых. Он был полонен капризной, грациозной фигуркой Фортуны и хотел, искал, жаждал только ее одной.

Но они обошли всю галерею, побродили по залу, а Фортуны не было нигде. Король начал приходить в явно дурное расположение духа. Суврэ искоса наблюдал за ним.

«Маленькая чертовка здорово задела ваше августейшее сердце! – думал он. – Молодец девчонка!»

Так дошли они до прежнего места и остановились там опять. После нескольких бесплодных попыток отыскать свое «счастье» король недовольно кинул:

– Однако пора уходить. Все это интересно на первых порах, но быстро приедается. Одно и то же... Уйдем!

– Как? – воскликнул сзади них звонкий девичий голос. – Ты уходишь, даже не попытавшись поймать свое счастье?

Король удивленно обернулся. Перед ним опять, хотя и с другой стороны, из-за выступа появилась его капризная, насмешливая Фортуна.

– Ты, должно быть, ведьма, – с досадой сказал Людовик. – Ты внезапно появляешься и столь же внезапно исчезаешь, как... как...

– Как и надлежит исчезать и появляться счастьем! – подхватила Полетт. – Что же делать, прекрасный незнакомец, счастье надо уметь удержать!

– Послушай, девушка, – взволнованно сказал Людовик, подходя к ней, – бросим шутки! Ты серьезно нравишься мне. Думаю, что и ты не из одного пустого каприза вертишься около меня. Так что же! Зачем перетягивать струны?

– Что же дальше, прелестный юноша?

– Позволь мне проводить тебя!

Оркестр заиграл пламенную гальярду. Все устремились из галереи в балльный зал, и только маркиз, король и Полетт остались в этом уголке. Суврэ с любопытством наблюдал, чем кончится эта сцена, достигшая своего высшего напряжения. Король с лихорадочным нетерпением ждал ответа девушки, а Полетт с кокетливой улыбкой смотрела на короля.

Оркестр играл все пламеннее, все задорнее; гальярда захватывала всех.

¹¹ Старинный танец.

Гальярда, старинный трехчетвертной танец необузданного, кипучего, веселого темпа, родилась в Риме, где первоначально ее танцевали после сбора винограда, как бы празднуя победоносные свойства вина. В ней жили древние пляски вакханок. Подобно большинству старинных танцев, гальярда сочетала в себе три рода искусства: танец, музыку и поэзию, потому что ее танцевали под пение специальных плясовых куплетов, и трудно было решить, что было более пронизано палящими лучами южного солнца, хмелем вина, опьянением любви – пляска, мелодия или слова!

– Позволь мне проводить тебя! – настойчиво повторил король.

– Куда?

– К тебе, ко мне, куда хочешь!

– Зачем?

– Я буду сторожить твой сон, чтобы никто не потревожил его!

Полетт насмешливо передернула плечами и вместо ответа, приплясывая, запела под аккомпанемент оркестра строку из куплетов гальярды:

J'aime mieux dormir seulette!¹²

Король кинулся за ней следом, но опять, как прежде, Фортуна ловко вывернулась и скрылась среди танцующих пар.

Напрасно король искал ее – девушка скрылась бесследно, словно тень.

– Идем, Анри! – с досадой крикнул король. – Это черт знает что такое!

Суврэ молча последовал за Людовиком.

Они вышли на подъезд. Стояла дивная, теплая весенняя ночь. Площадь была погружена в сон; ни прохожих, ни проезжих почти не было видно. Только в стороне вытянулся ряд карет с сонными кучерами, поджидавшими запоздавших господ.

Король и его спутник остановились у подъезда и невольно залюбовались величественным покоем, резко контрастировавшим с только что покинутой сутолокой.

Вдруг послышался звук чьих-то быстрых, легких шагов, каблучки мелкой дробью застучали по каменным плитам, и мимо короля быстро скользнула женская фигура, она обернулась на ходу и задорно крикнула:

– Спокойной ночи, бедный юрист!

– Черт! – рявкнул король, вне себя от пламенного возбуждения. – Ну, стой! Теперь уж ты не уйдешь от меня!

– А вот увидим! – насмешливо ответила девушка, скрываясь среди экипажей.

Король и Суврэ кинулись за ней, осмотрели все экипажи, но ее нигде не было. Испустив сквозь зубы громоздкое проклятие, Людовик сердито зашагал прочь.

Когда они отошли на некоторое расстояние, из-под сиденья одной из карет вынырнула Полетт, осторожно выглянула в окно и потом сказала кучеру:

– Домой, Батист, в Клиши!

Король, стиснув зубы от бессильного бешенства, молча шел с Суврэ по пустынным улицам.

Маркиз не мог утерпеть, чтобы не поддразнить короля.

– А жаль, что девчонка ускользнула, – сказал он. – Это премилый зверек, какого не скоро сыщешь опять!

– А черт ее знает! – кисло ответил король. – Лицо закрыто; может быть, еще уродина какая-нибудь!

¹² Я предпочитаю спать одинешенька! (*фр.*)

– Не думаю, государь. Судя по нежности кожи, она должна быть прехорошенькой. А кроме того, если лицо и закрыто, зато трико достаточно плотно облегает ее тело, чтобы можно было судить о роскоши ее форм!

– Ну, брат, наверное, у нее была своя причина, если она не захотела позволить поближе познакомиться со своими формами! Готов держать пари, что все это у нее – подделка. Мало ли чего можно насовать под трико. А я, знаешь ли, не очень-то люблю суррогаты!

– «Nous vivons sous un prince ennemi de la fraude!»¹³ – с нескрываемой насмешкой продекламировал Суврэ.

¹³ Нами правит государь, ненавидящий обман! (фр.; Мольер. «Тартюф»).

V. Узел интриг

Анна Николаевна Очкасова, которую Полетт, подобно всем остальным французским подругам, называла Жанной, жила со стариком отцом в уютном домике у заставы Клиши. Этот домик, кокетливо прятаящийся в зелени небольшого, но тщательно содержавшегося садика, выходил на тихую улицу, по которой почти не было движения. Это представляло значительные удобства: живя почти в самом городе, Очкасовы пользовались в то же время всеми выгодами деревенской мирной жизни.

Сюда-то и направилась Полетт с площади Пале-Рояль.

Была уже глубокая ночь, когда она вошла в комнату, где для нее была приготовлена постель. Полетт чувствовала себя очень усталой, но все-таки долго не могла уснуть. Она припоминала слова короля, его пламенные взгляды, его досадливые восклицания, когда «счастье» ускользало от него, и готова была верить в близость и полноту своего торжества.

Уже начинала заниматься заря и птички подняли у окна свою возню, когда Полетт наконец забылась сном. Спала она крепко и долго и проспала бы, быть может, до вечера, если бы ее не разбудила Очкасова.

– Вставай, ленивица! – говорила Жанна, тормоша заспанную девушку. – Люди уже скоро спать будут ложиться, а ты еще не проснулась! Да ну же, шевелись, сейчас будем завтракать!

Полетт вскочила, но долго ничего не могла сообразить, протирая кулачками заспанные глаза.

– Ах, это ты, Жанна! – сказала она наконец. – А мне снился такой сон, что просто... ух!

– Увы, это только я! – засмеялась Очкасова. – А ты небось ждала увидеть того самого заморского принца, который тебе снился! Да ну же, вставай и рассказывай, как твои вчерашние успехи!

– Ах, Жанна! – воскликнула девушка, обвивая шею подруги белыми, пухленькими руками. – Вчера я заложила первый камень того фундамента, на котором будет воздвигнут трон твоей несчастной царевны Елизаветы!

– Ну, она-то далеко не несчастна, наоборот, насколько я слышала, Елизавета Петровна не унывает и продолжает вести прежний, веселый и рассеянный образ жизни. Сама она отлично прожила бы без трона, но ее воцарение нужно нам, нужно всей России... Ну да как бы там ни было, а я все-таки не могу понять, почему ты с таким экстазом говоришь о России и ее надеждах? Ты молода, хочешь жить, хочешь широкой сферы действия и свои мечты собираешься осуществить, пленив короля. Претензия не из высоких, но это я могу понять. Ты не хочешь быть, подобно своей сестре, простым «инструментом для развлечения», как выразился один из ваших стариков, понимаю и это. Ты готова пуститься в водовороты политического влияния, а так как тебе решительно все равно, в какую сторону направить это влияние, то ты не прочь подействовать своей подруге, и это я тоже могу отлично понять. Но чтобы тебе действительно было все равно, кто царствует в России и как зовут ее государыню – Анной Иоанновной, Анной Леопольдовной или Елизаветой Петровной, – в это, прости меня, я верить не могу!

– Жанна, ты называешь меня своей любимой подругой, а между тем так обижаешь меня!

– Глупенькая, да разве за правду обижаются?

– Нет, Жанна, ты не права. Просто ты привыкла еще в школе смотреть на меня свысока, как старшая, и, что бы я ни сказала тебе, какой бы мечтой ни поделилась, все всегда в твоих глазах является пустой болтовней фантазирующей девчонки!

– Да рассуди сама...

– Нет, Жанна, ты сначала выслушай меня, а потом уж будем рассуждать. Вспомни, еще в монастыре я часто говорила тебе, что жажду власти и целью своей жизни ставлю стремление добиться этой власти. Но не сама власть привлекает меня, а та польза, которую можно принести

ею родине. Ведь Франция гибнет, Жанна, ты ведь говорила мне сама это. Помнишь старичка аббата, который так любил меня с тобой и так подолгу разговаривал с нами в тенистых аллеях монастырского сада?

– Аббата Парьо? Как же не помнить этого славного ученого старичка!

– Помнишь, как он говорил нам однажды, что государства растут, развиваются и гибнут так же, как растения, животные и люди. Из небольшого ростка развивается большое, сильное растение, которое, достигнув высшей точки расцвета, начинает мало-помалу отмирать. Дух государства, говорил он, стареет и портится так же, как человеческая кровь. Но если перелить в старческие жилы юную кровь – такие операции уже совершали, – то человек начинает жить новой жизнью!

– Я помню все это. Но какое это имеет отношение к Франции и России?

– Очень большое. Франция при Людовике Тринадцатом достигла высшей точки своего расцвета. При Людовике Четырнадцатом она жила уже за счет прежнего избытка силы и, растрачивая его, начинала падать. Регентство сильно подломило французскую мощь. Франция идет к гибели, и если в ее судьбу не вмешается что-нибудь новое, то катастрофа неминуема. Но откуда может взяться это новое, Жанна? Только от женщины, так как счастье и несчастье Франции всегда шли от женщины. Когда-то Жанна д'Арк спасла гибнущую страну. Ряд королевских любовниц, отвлекавших монархов от государственных дел и обрекавших их страну произволу продажных министров, подготовил ее новое падение. Настало время явиться новой Жанне д'Арк...

– И ею хочешь стать ты, милая Полетт? С Богом! Иногда цель действительно оправдывает средства. Но я все-таки не понимаю...

– Не перебивай меня, и тогда ты поймешь скорее! Да, Жанна, я хочу стать этой новой Орлеанской девой! Но новые времена требуют новых форм воплощения. Не с мечом в руках, не с орифламой, не с гимном надлежит явиться новой спасительнице. Мой меч – это тело, моя орифлама – лобызающие уста и обнимающие руки, мой гимн – шепот страсти. И не врага, а самого короля хочу я покорить всем этим оружием, чтобы повести его, а за ним и всю Францию, к новому блеску и могуществу! Но в чем же этот блеск, в чем это могущество? Я много думала, читала, говорила, слушала и расспрашивала по этому поводу. И мой вывод таков – спасение Франции возможно только в союзе с другой сильной державой. И этой державой может быть только Россия!

Полетт замолчала. Жанна с ласковым удивлением смотрела на нее. Только теперь она почувствовала, какая громадная нравственная сила таится в этой юной головке.

– Да, только в союзе с Россией спасение Франции, – продолжала Полетт. – Ты спросишь: почему? Да потому, что это самая молодая монархия, потому что все остальные сами увядают. Россия станет тем самым юношей, у которого берут кровь, чтобы продлить жизнь достойного старца. Но с большой разницей: юноша не умрет, не пострадает, а только окрепнет от такого кровного слияния со старушкой Францией. Ведь России для ее внутреннего развития и преуспевания требуется прочный мир, незыблемое внешнее спокойствие. Это спокойствие может дать ей только союз с Францией. А теперь подумай сама, Жанна: может ли Франция рассчитывать на тесный союз с Россией, пока там царит Анна Иоанновна или ее племянница, Анна Леопольдовна? Немцы захватили Россию и не выпустят ее из рук. А ведь немцы – исконные враги и соперники французского могущества. Значит, раз я ищу блага своей родине, то могу видеть его только в перемене царствования. Но кто же то лицо, которое может быть желательно для моих целей? Только одна царица Елизавета. Ты сама рассказывала мне, что она обожает Францию. Мало того, раз она будет обязана тронем Франции, то благодарность свяжет ее сильнее всякого союзного договора. Вот почему, Жанна, твои планы являются в то же время и моими планами, вот почему я с таким восторгом говорю о том, что положила первый камень

фундамента, на котором воздвигнется трон Елизаветы. А теперь скажи мне, разве я не права и разве ты не напрасно обидела меня?

– Прости меня, милочка, если я невзначай обидела тебя! Но могла ли я предполагать, что у моей ветреницы Полетт такой широкий кругозор, такие грандиозные планы?.. Несчастье ожесточает, дорогая...

– Я говорила, что ты всегда смотришь на меня свысока! Ну да будет об этом! Я знаю, что ты искренне любишь меня, и если ты способна считаться со мной, если будешь видеть во мне сообщницу и дельную пособницу, если, словом, будешь не только любить, но и уважать меня, то я буду очень рада.

– Я буду не только уважать, а просто боготворить тебя, если ты действительно поможешь мне в том, что я считаю целью своей жизни! Но скажи, Полетт, разве вчера ты на самом деле добила осязаемых результатов?

– Как тебе сказать?.. И да и нет! – Полетт вкратце рассказала о вчерашнем и прибавила: – Итак, ты видишь, что я сумела задеть короля за живое. Я постараюсь продолжить эту интригу, а потом случайно дам королю застать себя врасплох и обнаружить таким образом свое инкогнито. Король, доведенный мною, что называется, до белого каления, потеряет голову и... неизбежное свершится! А тогда уж я не выпущу его из своих рук!

– А сестра?

– Что же сестра! Мне ее жалко, но...

– Ну да это, разумеется, твое дело. Но скажи, как же ты думаешь вести дело далее? Один раз тебе случайно представился благоприятный случай, но далее...

– А далее Анри поможет мне опять создать другие благоприятные случаи, как создал и этот!

– Ах да, я и забыла, что ты попала на этот бал благодаря маркизу! Вот никогда не думала, что эта беззаботная божья коровка может оказаться полезной на что-нибудь!

– Фу, Жанна, как ты зла и несправедлива! Анри так любит тебя...

– Ах, что мне в его любви! Точно я добивалась ее! Не надо мне никакой любви Я живу одной мыслью о своей мести, а остальное...

– Скажи, Жанна, как ты думаешь осуществить свою месть одна, без друзей, без средств? О, я знаю, что у тебя немалые для частного лица деньги, но разве государственный переворот можно совершить на частные средства?

– Уж не твой ли Анри даст мне их?

– Да, Анри и я, мы дадим тебе их! Еще раз говорю тебе: брось свое высокомерие, ведь без друзей ты – ничто! На меня ты смотрела как на былинку, и понадобилось все мое красноречие, чтобы убедить тебя, что и я могу быть тебе полезной. Но даже со мной без Анри ты бессильна! Кто подвигнет Францию встать на защиту попранных прав твоей царевны? Уж не Флери ли, тот самый Флери, который окончательно поспорил нас с Россией неуместным вмешательством в русско-турецкую войну? Да пойми ты, что Флери, который вечно ловит рыбку в мутной воде, все время будет кидаться из стороны в сторону, изменяя Австрии для Пруссии, Пруссии – для России и России – для Австрии и Пруссии! Тебе нужны верные друзья, имеющие влияние на короля. Одним из этих друзей окажусь я, когда мне удастся довести до конца намеченную интригу. Кто же другой? Только Анри де Суврэ! Он притворяется ничтожным, чтобы под него не так подкапывались, но на самом деле достаточно бывает одной его фразы, на первый взгляд самой незаметной, пустяковой, чтобы склонить короля в ту или другую сторону. Мы с Анри составим такую силу, перед которой сломится все и вся. Но ради чего Анри встанет на сторону твоих планов? Не говорила ли ты сама, что нам, французам, нет ровно никакого дела до того, кто царствует в данный момент в России!

– Ну, вы с ним друзья детства, и если ты захочешь...

– Полно, милочка! Вчера я на все лады умоляла его дать мне возможность завязать интрижку с королем, но он только тогда согласился и открыл мне секрет намерений Людовика посетить маскарад, когда я сказала ему, что это нужно для тебя!

– Вот как?

– Да, вот как! Ой, Жанна! Не пренебрегай маркизом, если тебе действительно дорого твое дело!

– Что же, по-твоему, мне надо предложить ему честный торг: мое тело за его услуги?

– Тебе не надо никакого торга, потому что стоит тебе ласково взглянуть на Анри, и он будет весь к твоим услугам! Да открой же глаза, Жанна! Ты только посмотри, какой это умный, честный, добрый, хороший человек! Разве он не достоин твоей любви? Ах, Жанна, Жанна, холодная, бессердечная!

Жанна подошла к подруге, которая во время разговора занималась своим туалетом и теперь окончательно оправлялась перед зеркалом, обняла ее, нежно поцеловала и сказала:

– Ах, если бы маркиз знал, какого красноречивого адвоката имеет он в тебе! Но не волнуйся, Полетт, я вовсе не так уж холодна и бессердечна. Не скрою от тебя, твой Анри даже нравится мне, и если действительно его любовь не только не отвлечет меня от моего дела, а, наоборот, поможет, то... Но это дело далекого будущего. А теперь раз ты, слава богу, наконец готова, то пойдем завтракать. Папа и так недоволен, что сегодня мы запаздываем. Ты погляди только, как он волнуется!

Жанна, смеясь, подвела подругу к окну и указала на высокого, широкоплечего старика, который нервно расхаживал по садику, недовольно хмуря густые седые брови и изредка встряхивая седой львиной гривой.

– Бедный месье Николя! – рассмеялась Полетт. – И все это из-за меня! Ты, пожалуйста, извинись за меня перед ним, Жанна!

– Но ты можешь сделать это сама!

– Нет, милочка, я должна ехать. Мне необходимо поскорее увидеться с Анри, чтобы обсудить с ним план дальнейших действий. Если можно, прикажи дать мне сюда чашку шоколада, я выпью ее, пока будут закладывать лошадей. Ведь Батист свободен?

– Да погоди ты, сумасшедшая! Не убежит твой Анри, позавтракай с нами!

– Нет, нет, Жанетт, ты уж меня не удерживай!

Полетт выпила чашку шоколада и умчалась в Париж.

Проводив подругу, Жанна спустилась в сад, где на белоснежной скатерти накрытого стола уже готов был холодный завтрак и кофейник испускал клубы ароматного пара.

– Что это за новости, Аня? – ворчливо встретил ее отец. – Из-за какой-то трещотки ты заставляешь меня ждать целый час! Ты знаешь, как я дорожу правильностью порядка дня!

– Ну-ну, не ворчи, милый мой старичок! – ласково ответила Жанна, подходя к отцу и поднимаясь на цыпочки, чтобы поцеловать его. – Прости меня, случился такой грех! Ну, пойдем к столу, к столу!

– Ах ты, сахар-медовик! – буркнул старик, сразу растаявший от ласки дочери, в которой души не чаял.

Они уселись за стол. Жанна принялась разливать кофе. Вдруг кофейник задрожал в ее руках, и она испуганно шепнула:

– Папа! Посмотри-ка туда, к решетке у калитки! Боже, что это за человек?

Николай Петрович посмотрел в указанную сторону и увидел какого-то молодого человека в истрепанном, оборванном костюме, жадно прильнувшего к решетке. Руки оборванца судорожно вцепились в перекладину, возбужденные взоры были устремлены на накрытый стол, и все его исхудавшее донельзя, зеленовато-мертвенное лицо говорило о непреодолимом, смертельном голоде.

– Что вам нужно здесь? – окликнул его Очкасов.

– Месье... Пощады... Три дня... голоден... есть... умираю... – на ломаном французском языке простонал оборванец.

– Вы голодны! Так идите сюда! Калитка тут, рядом, толкайте ее от себя! – всполошился добряк.

– Боже мой! Ты только посмотри, папа, до чего он истощен! – с сочувствием сказала Жанна по-русски.

Оборванец, входивший в этот момент в калитку, при звуке ее голоса вдруг остановился, радостно-изумленными глазами уставился на молодую девушку, даже закачался от охватившего его волнения, а потом сорвался с места и бросился к Жанне с криком, похожим на стон:

– Русские! Слава тебе, Господи! Боже мой! Русские! Я спасен! Голубчики вы мои! – И, рыдая, он упал к ногам девушки, обнимая ее колени.

Очкасовы всполошились.

– Миленький, да как ты попал сюда? – крикнул старик.

– Ах, папа! Ну что расспрашивать голодного, – заволновалась Жанна. – Кушайте, голубчик, кушайте! – И она совала оборванцу тарелку с хлебом и холодным мясом.

Оборванец хватал хлеб и мясо, жадно совал в рот, глотал не жуя, бормотал слова благодарности, перемешанные с угрозами и жалобами по чьему-то адресу. Трудно было разобрать что-нибудь в этих лихорадочных, беспорядочных выкриках. Кто-то завез его, обманул – вот единственное, что мог понять старик. Но Жанна женским чутьем сразу угадала, с кем она имеет дело.

– Кушайте, голубчик, и не разговаривайте, потом вы нам все расскажете. Мне кажется, папа, что это нашего поля ягода: такой же обиженный, как и мы.

Незнакомец и не заставлял себя уговаривать и с жадностью продолжал есть и пить, пока Жанна не остановила его, опасаясь, как бы чрезмерное насыщение не повредило ему после голодовки.

Но утоление острого голода сразу опьянило несчастного. Несколько бессонных ночей, проведенных в скитаниях, сейчас же сказались, и видно было, что он прилагает сверхчеловеческие усилия, чтобы не заснуть тут же, за столом. Пришлось отвести его в комнату, только что освобожденную Полетт, и отложить удовлетворение любопытства до следующего утра.

VI. Признания

Ничто не напоминало в незнакомце вчерашнего оборванца, когда на следующий день он вышел из своей комнаты, приведенный в порядок парикмахером и переодетый в платье старика Очкасова. Это был высокий, стройный молодой человек с бледным, истощенным, словно после долгой болезни, лицом и усталыми, но добрыми, наивными голубыми глазами. Он сразу внушал симпатию и доверие, а все его манеры говорили о принадлежности к хорошему обществу. Поблагодарив в простых, сердечных выражениях гостеприимных хозяев за привет и ласку, он в ответ на их просьбу стал рассказывать свою историю.

– Я не знаю, – начал он, – кто вы такие, дорогие мои благодетели...

– Вы это сейчас узнаете, – заметила Жанна.

– Не знаю также, что привело вас на чужбину и как вы относитесь к тому, что сейчас творится на нашей родине. Быть может, мой откровенный рассказ оттолкнет вас от меня. Но я знаю одно, что вы спасли меня от неминуемой гибели. Поэтому, оставляя в стороне всякую осторожность и недомолвки, я просто и правдиво расскажу вам свою историю, чтобы не оставлять вас в неизвестности относительно моей персоны...

– Простите, – перебила его Жанна, – скажите, вы принадлежите к числу пламенных приверженцев теперешнего русского правительства?

– О нет! – воскликнул молодой человек, и его кроткие глаза вспыхнули ненавистью.

– В таком случае, – сказала Жанна с грустной улыбкой, – вы можете тем более не стесняться перед нами, потому что и мы не принадлежим к числу его друзей!

– Тогда мне остается только еще пламеннее возблагодарить Господа за то, что Он привел меня к соотечественникам и единомышленникам! – благоговейно сказал молодой человек.

Жанна знаком предложила ему начать рассказ.

Незнакомец приступил к повествованию.

– Меня зовут Петр Андреевич Столбин, я происхожу из рода немецких баронов фон Тольбейнов. Мой дедушка, барон Фридрих Готтлиб фон Тольбейн, служивший капитаном флота у датского короля Христиана Четвертого, был одним из просвещеннейших людей своего времени. Поклонник философии, дедушка не мог равнодушно смотреть, как дворяне, не ставившие ни во грош самого короля, угнетали простой люд. И когда в тысяча шестьсот шестидесятом году народ предъявил свои права, дедушка встал открыто на его сторону.

От переворота тысяча шестьсот шестидесятого года выиграли только бюргеры, дворяне ничего не потеряли, а простой люд остался в прежнем положении рабочего скота. Зато положение моего дедушки пошатнулось. Ни король, ни дворяне не могли простить ему защиты «подлой черни». Дедушке пришлось бежать. И вот в темную, бурную ночь, захватив молодую жену и годовалого ребенка, он пустился по морю, добрался до Швеции, а оттуда – в Московию, где предложил свои услуги царю Алексею Михайловичу.

Это было как раз в разгар войн, которые вел царь с Польшей. Опытные ратного дела люди были желанными гостями. Дедушка совершил с царем ряд походов, а в тысяча шестьсот шестьдесят седьмом году был послан им в Дединово на Оке, где царским указом предписывалось приступить к постройке кораблей. С кораблестроительством ничего не вышло, единственный построенный там корабль вскоре сгорел. Против дедушки начались подкопы и интриги, и он удалился в семидесятых годах на покой, поселившись в Немецкой слободе в Москве. Я забыл еще сказать, что по настоянию царя дедушка принял православие и из барона фон Тольбейна превратился по созвучию в русского дворянина Столбина.

Мой отец, Андрей Федорович Столбин, был одним из ревностных сподвижников Петра Великого. Унаследовав от дедушки страсть к морю, отец изучал в Голландии кораблестроение, вместе с великим преобразователем работал над созданием русского флота и был одним из его

капитанов. Впрочем, надо сказать, что не в пример прочим отец продвигался по службе очень медленно: царь Петр как-то не замечал его усердия и способностей. Это не мешало отцу боготворить своего государя, и когда от его брака с девицей Минной фон Торнау, тоже обрусевшей немкой, родился я (это было в год Полтавской битвы, то есть в тысяча семьсот девятом году), то отец поспешил назвать меня, своего первенца, Петром.

Я с благоговением и нежностью вспоминаю жизнь в раннем детстве под отцовской крышей. Маленький домик на Васильевском острове содержался матерью в образцовой чистоте и порядке; весь день был распределен между серьезными и разумными развлечениями, а по вечерам, если отец не был в плавании, он рассказывал нам о далеком прошлом, о дедушке, о его плавании в уютной лодочке по бурному морю – этого отец, конечно, помнить не мог и передавал со слов дедушки, – о своем житье-бытье в Голландии.

Одно только печалило отца и мать – это мое слабое здоровье. Нечего было и думать о продолжении мною карьеры отца и деда. Тогда отец предназначил меня к гражданской службе и отправил по достижении восемнадцати лет в Гейдельберг, где был старейший немецкий университет.

Это было в тысяча семьсот двадцать седьмом году, когда на русский престол вступил малолетний Петр Второй. Из осторожных писем отца, а еще более – от прибывавших в Гейдельберг русских я мог узнать, что на родине творятся ужасы. Всякий старался урвать себе кусочек получше, а о продолжении дела Великого Петра никому и в голову не приходило заботиться.

В тысяча семьсот тридцатом году я узнал о смерти Петра Второго и облегченно вздохнул. Прямой наследницей его была царица Елизавета, дочь великого преобразователя, пламенная поклонница славных дел отца. «При ней Россия воспрянет!» – думал я наравне со многими. Каков же был мой ужас, когда я узнал, что права царицы Елизаветы обойдены и на русский престол вступила Анна Иоанновна, или, вернее, – ее возлюбленный Эрнест Иоганн Бирон.

Для моего отца настали плохие времена. Все русское преследовалось, на первый план выступили немцы. Родственники по жене советовали отцу подать прошение о восстановлении его искаженного имени, так как в качестве барона фон Тольбейна он был бы несравненно больше в чести. Но мой отец и слышать об этом не хотел, гордо отвечая, что он и его отец кровью приобрели честь быть истинными русскими и что он не обратится с такой позорной просьбой к бывшему конюху, попирающему вскормившую его страну. Конечно, осторожные родственники поспешили отшатнуться от такого опасного человека. Как я узнал потом, нашлись даже такие, которые довели до сведения Бирона слова заносчивого русского капитана.

Моему отцу было в то время уже семьдесят лет, но он был прям и бодр, как могучий дуб. И вдруг он получил неожиданный приказ: сдать командование кораблем какому-то немецкому молокососу, не имеющему ни опыта, ни знаний, и удалиться на покой. Отец бросился в Адмиралтейств-коллегию. Там ему сообщили, что ровно ничего сделать не могут, так как приказание исходит от Бирона. Отец бесстрашно направился к Бирону. Тот с первых же слов оборвал отца, сказав, что он не понимает, как такой доблестный вояка обращается с просьбами к «немецкому конюху». Отец возразил, что он обращается не с просьбой, а с требованием. Кончилось все это дело очень печально для моего отца: оскорбленный наглостью временщика, он поднял руку для удара. Тогда Бирон крикнул слуг, приказал им держать старика, а сам три раза ударил его по лицу, приговаривая: «Вот тебе от конюха». Затем он приказал вышвырнуть отца вон.

Мой отец нашел возможность пробраться во дворец и был принят императрицей. Но и тут он не получил ни малейшего удовлетворения. Даже не выслушав его хорошенько, Анна Иоанновна крикнула: «Мало тебе еще, старому дураку!» – и прогнала с глаз долой. Отец вернулся домой, поцеловал жену и выстрелил себе в голову.

Я беззаботно жил в Гейдельберге, ничего не зная о совершившемся. Письмо матери, кратко сообщавшее о смерти отца и об отсутствии средств на дальнейшую жизнь за границей,

вызвало меня в Петербург. Тут я узнал подробно о случившемся и о том, как месть Бирона была способна преследовать даже покойников. Моего покойника-отца облыжно обвинили в растрате судебных сумм, его домик отобрали, продав в пользу казны, а тело лишили погребения.

Должен сознаться, я не создан для сильных страстей. Еще в раннем детстве отец неоднократно смеялся надо мной, уверяя, что я по ошибке родился мужчиной и что, мол, слезливая сентиментальность сделала бы честь любой немецкой Гретхен или Амалии. Может быть, это и так. Другой на моем месте бросился бы к Бирону, убил бы его, удушил бы своими руками, а я только плакал, плакал и плакал... Но и то сказать, мог ли бы я добраться до всеильного временщика? Один ли я страдал от этого бесчеловечного ига?

Мать ненадолго пережила отца. Она скончалась, призывая меня к мести за поправную отцовскую честь. Кроме того, она дрожащими руками вручила мне сверток из двадцати червонцев, говоря, что это она скопила из отцовских подарков и хозяйственных экономий.

Похоронив мать, я стал искать занятий... После долгих усилий мне удалось наконец получить маленькое местечко при сенате. Нужно ли было для этого изучать право в Гейдельберге?

Обойду молчанием всю цепь унижений и мелких обид, которую мне пришлось перенести на службе, и перейду прямо к обстоятельствам, вызвавшим мое личное несчастье.

Я снимал комнату у вдовы сенатского чиновника Пашенной. У нее была дочь Ольга, девица юная, красивая и добродетельная. Мы полюбили друг друга. Долго я по робости откладывал объяснение, но природа взяла свое: я открыл Оленьке свои чувства, и она стыдливо призналась мне, что давно любит меня. Мать благословила нас, и мы зажили сладкой надеждой на будущее счастье. В данный момент мы еще не могли повенчаться – у Оленьки не было приданого, а я получал столько, что еле мог перебиваться с хлеба на квас. Надо было обождать лучших времен – ведь я твердо надеялся, что мои знания и трудолюбие выдвинут меня из разряда простых писцов, и мы жили упованием на Бога.

И вот счастье улыбнулось мне. В начале прошлого, тысяча семьсот тридцать восьмого года пронесся слух, что второй министр Немировского конгресса Артемий Петрович Волынский возвратился в столицу и назначен кабинет-министром. Этот слух подтвердился в феврале: Волынский действительно получил это назначение и, как мы и ожидали этого, первым делом взялся за сенат, где царил невозможный беспорядок. Заскрипели перья, забегали курьеры, заметались чиновники – каждый день гроза следовала за грозой.

Обхожу мелкие подробности. Однажды к министру с бумагами для подписи послали меня. Сделали это по злобе: ведь Волынский приходил в бешенство от безграмотности наших сенаторов, и его гнев обрушивался обычно на посланного. Так случилось и в данном случае. Волынский затопал ногами, забарабанил кулаками по столу, крича, что сенаторам бы свиней пасти, а не государственные дела ведать. Когда на его вопрос, кто писал поданную ему бумагу, я ответил, что писал я, министр окончательно вышел из себя. Тогда я почтительнейше доложил, что уже неоднократно пытался указать своему прямому начальнику на погрешности с точки зрения права и слога, но каждый раз терпел брань за то, что сую нос куда не следует. Слово за слово, министр стал расспрашивать меня, выразил удивление моими познаниями, еще более удивился, узнав, что я проходил университетский курс за границей, и в конце концов спросил, как меня зовут.

– Что я слышу! – воскликнул он. – Ты – Столбин? Сын Андрея Федоровича Столбина, моего несчастного друга? – Тут он опасно оглянулся: было неосторожно громко называть своим другом, да еще и несчастным, человека, пострадавшего от немилости всеильного Бирона. – Но ведь ты – дворянин, – продолжал он, – почему же ты служишь каким-то сверхштатным писцом?

Я объяснил, что еще в отрочестве был высочайшей милостью избавлен от общей для всех дворян необходимости служить, так как отличался чересчур хилым здоровьем. После смерти

отца мне пришлось поступить по вольному найму, и вот уже больше пяти лет как я остаюсь в одном и том же положении, без всякой надежды на движение вперед.

– Ну еще бы! – заметил Волынский. – Где же нашим свинопасам отличить дельного, образованного человека? Вот что, брат, – сказал он, подумав, – сейчас я для тебя ничего не могу сделать, потому что мне самому надо потверже на ноги встать. Пока что сиди в своем сенате, ни словом, ни звуком не заикайся о нашем разговоре, а придет время, я уж не забуду тебя. Возможно, что я возьму тебя к себе в канцелярию. Во всяком случае, будь спокоен за свою участь. Но пока что надо терпеть!

В последнее время я вообще замечал, что Оленька непрерывно грустна, но объяснял себе ее настроение заботами о нашем будущем. Теперь ее слезы окончательно встревожили меня и мать. Мы стали расспрашивать ее, и в конце концов Оленька созналась, что в последние две недели она постоянно подвергается преследованиям со стороны какого-то немца, одетого очень нарядно и, видимо, очень важного, незнакомец еле-еле говорил по-русски, но с ним постоянно бывал слуга, который и делал от имени господина самые гнусные предложения. До сих пор она не хотела ничего говорить об этом, надеясь, что Господь пронесет беду. Но сегодня наглость преследователя дошла до крайних пределов. Она пошла навестить больную подругу, вдруг в глухом переулочке откуда ни возьмись карета, а в карете – тот же молодой немец. Сначала слуга немца старался улестить ее словом. «Мы знаем, – сказал он, – что у тебя есть жених, сенатская голь, но если ты не станешь добрее, то мы упечем его туда, куда и Макар телят не гоняет! Мой высокий господин все может сделать!» Когда же Оленька стала отбиваться, слуги вместе с барином схватили ее и хотели сунуть в карету. На счастье Оленьки, в переулке показалась небольшая толпа каких-то мещан. Услышав вопли девушки и немецкую речь насильников, они с криками: «Бей немцев!» – бросились выручать ее. Карета умчалась, Оленька на этот раз была спасена, но выразила мне опасение, что если немец будет и впредь так настойчиво преследовать ее, то может случиться, что ее и впрямь похитят.

Я постарался, как мог, утешить девушку, обещал ей при первом же случае пасть к ногам Волынского и просить его охранять мое счастье. Но сам я был несравненно более встревожен, чем хотел показать. Ведь немцы вели себя в Петербурге хуже, чем в былое время татары на Руси!

Оленька никуда не выходила; я постоянно держал наготове пару заряженных пистолей и завел двух очень злых собак.

Однажды ночью из своей комнаты я услышал какой-то подозрительный шум. Сунув одну пистолю за пазуху и взяв в руку другую, я выскользнул на двор. Там я явственно услышал тихую немецкую речь, какие-то злодеи сговаривались и распределяли роли для нападения на наш домик: хотели осторожно вывернуть подворотню, какой-то Иоганн должен был проскользнуть там и открыть ворота. Далее мне нечего было слушать. Я крикнул по-немецки, что спущу обеих собак и пристрелю первого, кто сунет голову во двор. Для убедительности я сейчас же исполнил первую угрозу, и собаки со зверским лаем кинулись к воротам. С улицы послышалось злобное немецкое проклятие, и вскоре стук колес известил меня, что злодеи отъехали прочь.

Прошло еще несколько дней. Однажды вечером ко мне явился какой-то чистенький, маленький старичок, который пожелал переговорить со мной по делу, «касающемуся всей моей жизни». Так как разговор должен был происходить под строжайшим секретом, то старичок просил меня отправиться с ним в немецкий кабачок, находившийся улицы за две от нашего дома. Я согласился, но на глазах таинственного незнакомца сунул за пазуху пистолю. Старик усмехнулся и затем сказал, что в этом не представится никакой надобности.

Как я и ожидал, это оказался посланный от немца-насильника. Попросив меня не сердиться, не вспыхивать и не перебивать его, а дослушать до конца, старичок начал доказывать мне, что я взялся за неравную борьбу. Он сказал, что его господин очень могуществен, так что ему ничего не будет стоить стереть меня с лица земли. Ему стоит сказать слово, и меня

прогонят со службы, а то даже отправят в Сибирь. Между тем если я покорюсь, то получу крупную награду и мне будет облегчено движение по службе. Я молод, скоро забуду первую любовь – мало ли девушек на свете? Да и кроме того, если я люблю свою невесту, то должен ради ее счастья отказаться от нее, потому что я ничего не могу дать ей, если же отступлюсь и дам свободу действия высокому господину, то ее ждет пышная, богатая, привольная жизнь.

Я спокойно выслушал и попросил незнакомца передать своему барину, что только негодяй может делать, передавать и принимать такие предложения, а так как из нас троих я-то – не негодяй, то прошу впредь оставить меня в покое.

– Дерзкий! – в священном ужасе крикнул старик. – Да знаешь ли ты, кого ты осмелился назвать так? Ведь высокая особа, пленившаяся твоей замарашкой-невестой, – не кто иной, как сам Антон-Ульрих Беверн, принц Брауншвейг-Люнебургский!

– Жених принцессы Анны? – с удивлением воскликнул я. – И накануне-то своей свадьбы принц совращает с пути честных девушек? Я очень рад, что вы сообщили мне, кто преследует мою невесту. Теперь-то я сумею наверняка защитить ее и себя!

– Что может сделать мелкая канцелярская тля против первого лица в империи?

– Вы забываете, – перебил я его, – что его высочество далеко еще не первое лицо в русском государстве. Забываете и то, что его светлость герцог Бирон не очень-то чтит его высочество, и стоит мне только обратиться к его светлости...

– Тебя никогда не допустят до него!

– Да, но зато в качестве сенатского чиновника я бываю с бумагами у правой руки герцога, министра Волынского! – твердо возразил я.

Этот довод окончательно смутил и выбил из позиции старичка. Он перешел в другой тон, стал предлагать мне денег, но я с презрением заявил ему, что наш разговор кончен.

Всю ночь я продумал, обращаться ли мне с жалобой к Волынскому или нет. В конце концов я решил, что это было бы неосторожно. Если даже Оленьку похитят, а меня устроят, то останется еще Олина мать, которой я сообщу этот разговор и которая в случае чего сама дойдет до Волынского. Следовательно, таким путем я могу достаточно обезопасить любимую девушку, но преждевременно вмешивать в это дело такую высокую особу, как Артемий Петрович, было совсем ни к чему.

Прошло еще месяца три-четыре. Ни о каких преследованиях более не было слышно. Мы знали, что при дворе деятельно готовятся к свадьбе принцессы Анны Леопольдовны с принцем Антоном, и решили, что все эти хлопоты выбили дурь из головы принца.

Но мои служебные дела шли все хуже и хуже. Волынский и знаком не давал понять, что помнит данное им мне обещание, а начальники и сослуживцы больше прежнего травили меня. Я видел, что не сегодня завтра мне придется лишиться и этого скудного источника существования, и сетовал на свою горькую судьбу.

И опять я увидел просвет. Но увы! – как вы сейчас увидите, этот просвет и был началом моего крайне бедственного положения.

Однажды, выйдя из сената, я увидел около набережной какого-то господина, похожего на иностранца, а еще более – на еврея, таковым он и оказался. Он подошел прямо ко мне и спросил по-немецки, не могу ли я сказать ему, как пройти на Васильевский остров. Я с готовностью предложил проводить его, так как и сам шел туда. По дороге мы разговорились. Мой спутник очень подробно и настойчиво расспрашивал меня и в пять минут узнал всю мою подноготную. Тогда меня очень удивляла ловкость, с которой он ставил вопросы, но теперь я отлично понимаю ее: ведь он не хуже меня самого знал, кто я такой!

После нескольких таких же «случайных» встреч еврей – его звали Вульф – обратился ко мне с предложением. Я ему страшно нравлюсь – я такой знающий, дельный и милый молодой человек. Неужели мне не жаль губить свою молодость и таланты в мелкой, подневольной службе? Он мог бы предложить мне нечто лучшее. Ведь я служу по вольному найму? Значит,

я в любой момент могу бросить службу? Да? В таком случае, почему бы мне не поступить к его патрону, «придворному еврею» Липману¹⁴?

В дальнейшем Вульф пояснил мне, что у Липмана имеются коммерческие агенты по всей Европе, так как банкир ведет дела с Голландией, Германией, Австрией, Францией и мелкими итальянскими княжествами. Постоянные сделки нуждаются в контроле человека, знакомого с юридическими науками и безусловно честного. Липман уже давно ищет такого, хотел даже выписать из Германии, но препятствием является незнание русского языка. Я же, по его словам, совмещал в себе все качества, и если бы я согласился поступить, то мне дали бы хорошее жалованье, да и вообще – тогда моя карьера была бы сделана.

Хотя Вульф сумел очаровать меня своей ласковостью и вниманием, но я долго не решился принять его предложение, особенно потому, что Вульф ставил условием следующее: для начала я должен сопровождать Вульфа в его поездке по Европе, которую он предпринимал по поручению Липмана. Я ознакомлюсь в разных городах с сущностью липмановских операций и тогда уже смогу занять в Петербурге свое место. Мне очень улыбалось путешествие по культурной Европе, но я не решился оставить Оленьку беззащитной. Да и ей Вульф не внушал ни малейшего доверия: она инстинктивно чувствовала в нем врага.

И вот однажды меня без объяснения причин выгнали со службы. Что оставалось делать? Правда, у меня было двадцать червонцев, которые я берег на черный день. Но надолго ли могло мне хватить их? Да и мечтой моей жизни была женитьба на Оленьке! Как мы ни думали, как ни гадали втроем, а иного исхода не было, и я дал Вульфу свое согласие.

Отъезд был назначен в скором времени. Обливаясь слезами, прижала меня к своему сердцу Оленька. Я сам был глубоко потрясен, но старался бодриться и внушить мужество любимой девушке.

Я говорил уже, что Вульф сумел всецело пленить меня и внушить мне полное доверие. Просто наваждение какое-то! Я не только рассказал ему о своих двадцати червонцах, но и согласился поместить их у Липмана, который должен был вернуть их мне с хорошими процентами. Вульф обещал мне принести сохранную расписку, но не сделал этого, а я стеснялся напомнить. Так и обошлось без всяких документов!

Мы проехали Польшу, Пруссию, Померанию, Ганновер, Нидерланды, потом через Амьен и Реймс прибыли в Париж. Везде у Вульфа были спешные дела, но, к моему удивлению, он ни разу не посвятил меня в них, отделяясь шуточками или более чем сомнительными предложениями. Это начинало тревожить меня. Тревога возросла еще более, когда я заметил, что с переездом через французскую границу отношение Вульфа ко мне резко изменилось: он становился все более грубым.

В Париже мы пробыли недолго и двинулись в карете на Орлеан. Мы сделали два или три перегона, и вот – это было дня четыре или пять тому назад, я уже потерял счет времени! – Вульф приказал посреди дороги остановить карету и повел со мной такой разговор.

– Ну-с, молодой дурак, – с наглой усмешкой обратился он ко мне, – настало время нам объясниться начистоту. Неужели ты, остолоп, мог серьезно поверить, что я пленился твоими бараньими глазами и из простой симпатии взял тебя с собой в увеселительную прогулку по Европе?

¹⁴ Липман, которого русские и иностранные современники называли «придворным евреем» и который официально именовался «обергофкомиссаром», был придворным банкиром в царствование Анны Иоанновны и во время регентства как Бирона, так и Анны Леопольдовны. Анна Иоанновна занимала у Липмана деньги через Бирона еще в то время, когда была герцогиней Курляндской, что и обеспечило Липману особо привилегированное положение. Так, в то время, когда евреям вообще было совершенно запрещено жить в Петербурге, он мог держать при себе сколько угодно единоверцев. Липман вместе со своими доверенными агентами Биленбахом, Вульфом и Фермарком усиленно вмешивался в русские политические дела, обделявая всевозможные грязные махинации.

Я уже не сумею повторить вам в точности, что я сказал ему в ответ на эту наглую фразу и что ответил он мне. Вся кровь приливает мне в голову при одном воспоминании! О, я – очень кроткий, очень тихий человек, но если бы сейчас мне дали этого негодяя, я своими руками разорвал бы его!

Передам вам вкратце все, что открылось мне из этого разговора. Принц Антон не на шутку пленился моей Оленькой; этой страстью воспользовался Липман, чтобы связать принца рядом обещаний, которые надлежало исполнить после смерти Анны Иоанновны и при воцарении Анны Леопольдовны¹⁵. Но и Липману не так-то легко было исполнить свое обещание. Деньгами ни со мной, ни с Оленькой ничего нельзя было поделаться, а действовать силой было опасно ввиду острой вражды между принцем Антоном и Бироном. Я сам в разговоре со стариком открыл средства своей защиты, указав, что через Волынского всегда могу пожаловаться Бирону. Следовательно, меня надо было удалить, и тогда уж с беззащитной Оленькой легко было бы справиться.

Вот они и придумали всю эту комедию с приглашением меня на службу. Вульффу надо было ехать по липмановским делам, взять меня с собой стоило не так уж дорого. Я попался на их удочку, и, по мнению Вульфа, мне не оставалось ничего иного, как сдать на капитуляцию.

Вульф поспешил указать мне на безвыходность моего положения. Если я не соглашусь на его условия, то он попросту высадит меня из кареты и предложит отправиться куда глаза глядят. А куда я пойду? Французского языка я не знаю, денег у меня нет; потом оказалось, что у меня пропал кошелек с парой червонцев и все документы, вероятно, Вульф выкрал их у меня на последней остановке для вящего торжества. К тому же условия мне ставили очень легкие. Я должен написать своей Оленьке письмо, в котором отказывался для ее же счастья от нее. Кроме того, я должен поклясться своим Богом, что по возвращении в Россию не буду поднимать шума и жалобы, предам прошлое забвению. Тогда Липман возьмет меня к себе на службу, и мое будущее действительно будет обеспечено.

Вместо ответа я бросился душировать Вульфу. Нечего и говорить, что его клеветы сейчас же схватили меня, оттащили, избивали, бросили на дороге, а карета умчалась дальше.

Много пришлось мне натерпеться в эти три-четыре дня. Кое-как я добрался до Парижа, но мальчишки травили меня, напускали собак, швыряли грязью и камнями. Голодный, измученный, избитый, я добрался волей Провидения до решетки вашего сада. Остальное вы знаете...

Столбин замолчал, поникнув головой. Молчали и Очкасовы, с сочувствием глядя на несчастного.

¹⁵ Почти вплоть до самой смерти Анны Иоанновны не было в точности известно, кого она назначит своим наследником. В описываемый период времени все считали наследницей Анну Леопольдовну.

VII. Дальнейшее признание

Первая нарушила молчание Жанна.

– Что же вы думаете делать теперь? – спросила она.

– Но...

– Ну да, вы хотите сказать, что у вас нет прежде всего средств вернуться в Россию. Допустим, что эти средства мы дадим вам. Ну и что же, вы вернетесь в Россию. А дальше?

– Я не оставлю этого дела так! Я брошусь к Волынскому, умолю его вступить за меня и... и...

– И? Эх, милый мой! А если Бирон успел в это время прийти к соглашению с принцем Антоном? А если ваша Оленька стала жертвой сластолюбия немецкого принца? Если, не перенеся позора, она окончила свою жизнь? Тогда что?

– Я не переживу этого! – со слезами в голосе вскрикнул Столбин.

– Как вы еще юны, – с оттенком презрения сказала Жанна, – и как поверхностно задели ваше сердце перенесенные страдания! Хорошо, вы не переживете, с отчаяния наложите на себя руки. Ну а бироны, оскорбляющие доблестных старцев, принцы антоны, соблазняющие русских девушек, липманы, опутывающие Россию грязными сетями, – они останутся жить, чтобы преследовать других Столбиных, соблазнять новых Оленек? Да что же вы засвидетельствуете своей смертью, безумный? Торжество темных сил? Окончательную победу иностранного сброда над Россией и признание лучших русских, что они вялы и беспомощны?

– Но что же делать? – с невыразимой тоской воскликнул Петр Андреевич.

– Не говорили ли вы, что с восторгом ждали воцарения царевны Елизаветы, пламенной поклонницы славных дел отца? Не говорили ли вы сами, что права Елизаветы Петровны были обойдены? Не высказывали ли вы сами, что в случае ее воцарения для России наступила бы новая эра? Так почему же вы не хотите помочь ей вступить на престол, чтобы спасти всех остальных, задыхающихся под невыносимым гнетом иностранного засилья?

– Ах, если бы это зависело от меня! Я обожаю царевну Елизавету, но что могу сделать я, не способный устроить даже свою собственную жизнь!

– А если бы вам дали средства и возможность работать для дела освобождения России? Можете ли вы дать слово, что вы будете готовы – ну, хотя бы во имя своей Оленьки – положить даже жизнь за царевну Елизавету? Или ваш батюшка был прав, когда уверял, что вы по ошибке родились мужчиной?

– Сударыня! – ответил Столбин, положив руку на сердце и слегка наклоняя голову. – Я уже упоминал, что не создан для сильных страстей. Я не умею становиться в позу, не способен к трагическим выкрикам. Я загораюсь не скоро, но раз уж это случилось, то горю упорно, ровно и долго. Дайте мне дело, если вы это действительно можете, дайте мне возможность послужить нашей родине, и вы увидите, какого надежного помощника обрели вы во мне!

– Я верю вам, – сердечно ответила Жанна, – и надеюсь, что вы будете нам надежным помощником. Нам нужны именно такие люди, как вы. Другие вспыхивают и сейчас же гаснут. А наша борьба требует упорства...

– Так говорите, приказывайте, я готов! – с энергией воскликнул Столбин.

– Не так скоро! – улыбнулась Жанна. – Сначала еще надо многое подготовить. Кстати, вы все еще не знаете, с кем вы имеете дело. Мы – единомышленники, нас связывают в будущем общие планы, а в прошлом – общие несчастья. Я могу рассказать вам свою историю, зная, что вы поймете меня...

– Анюта! – с ужасом воскликнул Очкасов. – Но как же можно...

– Э, папа! – ответила Жанна, грустно улыбаясь. – Разве позор на мне? Нет, я готова встать на площади и кричать всем и каждому, какие ужасы творятся у нас! Только тогда, когда каж-

дый будет знать, что грозит ему самому, его матери, сестре, жене, невесте, только тогда, говорю я, можно рассчитывать на общее единодушие! Не знаю почему, – продолжала она, обращаясь к Столбину, – но я совершенно уверена, что вашей Оленьке ничего не грозит и она благополучно избегнет опасности. Но мало ли других Оленек, которые не отделяются так легко? Я сама из их числа. Если ваша собственная судьба еще не утвердила вас в сознании необходимости решительно восстать против наших ужасающих порядков, то прослушайте мою историю, быть может, она покажется вам назидательнее. Меня зовут Анной Николаевной Очкасовой. Я – дочь отставного генерал-майора Николая Петровича Очкасова, вот этого самого почтенного старца...

– Который отлично знал вашего батюшку, да-с! – буркнул старик.

– Подобно вашему отцу, папа тоже был одним из сподвижников Великого Петра и особенно отличился в Полтавском сражении, где...

– Оставь, пожалуйста, в покое мои подвиги! – проворчал Очкасов.

– Царь Петр очень ценил отца как образованного человека и знающего офицера. Вскоре после своей поездки в Париж государь пришел к мысли о необходимости держать в иностранных столицах тайных военных агентов, которые могли бы следить за успехами и усовершенствованиями в области военного дела; в Париж он назначил с этой целью моего отца.

Отец вынес очень лестное впечатление от французской образованности, и когда моя мать умерла, то он взял меня девятилетней девочкой в Париж, где поместил в монастырскую школу. При Петре Втором мой отец вышел в отставку и зажил в стороне от каких-либо дел. Крупное состояние позволяло ему не зависеть ни от службы, ни от царевой милости. Меня отец оставил в Париже. Нравы, царившие при петербургском дворе, казались ему слишком опасными для молоденькой девушки: ведь мне было тогда всего около пятнадцати лет.

Вскоре после вступления на престол Анны Иоанновны мой отец увидел, что и жизнь, и его состояние в большой опасности.

Вам, конечно, известны обстоятельства, при которых вступила на престол императрица Анна. Партия старых бояр, предводительствуемая князьями Голицыным и Долгоруким, связала избранную государыню «кондициями», ограничившими монаршью власть и дававшими перевес старинной знати. Разумеется, в предполагаемом дележе русской земли были обделены представители других знатных домов. Тогда последние составили свою партию, готовую противодействовать притязаниям первой.

Нечего и говорить, что обе партии непременно хотели заполучить к себе моего отца. Но он решительно отказался вмешиваться в политические дела, зная, что из этого все равно добра ни для кого не будет...

– Если бы ты следовала примеру отца, было бы гораздо лучше! – снова буркнул Очкасов.

– Однажды, – продолжала Жанна, – князь Голицын в присутствии Остермана, по обыкновению игравшего в обе стороны, прямо спросил отца, неужели же он, старый, родовитый боярин, не примкнет к ним, защищающим интересы старой знати? Князь Дмитрий напомнил отцу, как Петр Великий хотел пожаловать дедушке княжеский титул и как дедушка ответил.

– Я отцовский ответ на память заучил, – вступился Николай Петрович. – Вот он: «Понеже ныне титул весьма легко приобретается и каждый пирожник легко князем стать может, то все-нижайше прошу меня, государь, от такого бесчестия избавить».

– Но отец твердо стоял на своем, заявив, что царевы дела ведает только Бог и что негоже никому в такие дела нос совать.

Ответ отца через Остермана стал известен противной партии, и вот к отцу пожаловал – это было уже после приезда императрицы в Москву – князь Григорий Барятинский, приглашая его явиться вместе с прочими верноподданными дворянами во дворец и обратиться там к государыне с челобитной об уничтожении кондиций и принятии неограниченного самодержавия,

как правили отцы и деды. Но и Барятинскому отец дал тот же ответ, опять-таки решительно отказавшись вмешиваться в дела правления.

Приняв самодержавие, императрица обрушила кары на вожаков партии старой знати. Главным образом пострадали Голицын и Долгорукие, причем больше всего доставалось наиболее богатым. Это вполне понятно: в то время казна была пуста, а имущество ссылаемых и казнимых конфисковывалось. Поэтому немудрено, если ухитрились нарядить следствие даже над отцом, обвиняя его в сообщничестве с Голицыным. Ведь отец с его крупным состоянием был очень лакомым куском!

Хотя Григорий Барятинский и лез вон из кожи, показывая на следствии всякие небывалые, но мой отец сослался на Остермана, в присутствии которого дал ответ Голицыну, отказываясь вмешиваться в «царевы дела». Невинность отца была уж очень очевидна, его осуждение могло только пошатнуть в глазах всей русской знати юный трон. Пришлось объявить его невиновным и даже обласкать. Но мой отец хорошо знал цену этой ласке. Не вдаваясь в обман, он стал исподволь принимать меры, чтобы иметь возможность в нужный момент скрыться за границу. Была куплена небольшая яхточка, которая стояла готовой к отплытию невдалеке от нашего дома на Крестовском. Все имения, которыми отец владел совместно с братом Алексеем Петровичем в Московской, Киевской и Смоленской губерниях, перешли на льготных условиях в собственность дяди. Наличные деньги были переведены в заграничные банки. Разумеется, все это пришлось делать очень осторожно, чтобы не навлечь подозрений.

Обласкав отца, императрица в то же время пожелала, чтобы он оставил свой затворнический образ жизни и стал появляться при дворе, для чего назначили его камергером. Как ни неприятно было это отцу, но пришлось подчиниться... Собственно говоря, я до сих пор не понимаю, что заставляло отца продолжать жить в России, да еще и в Петербурге, когда имелась полная возможность вовремя укрыться за границу...

– Гм! – несколько смущенно крикнул старик.

– По крайней мере, каждый раз, когда я спрашивала его об этом, он только кричал в ответ, вот совершенно как сейчас! Думаю также, что не одна забота обо мне заставляла держать меня в монастыре, хотя мне и было уже за двадцать лет. Судя по всему, тут дело было не без романа!

– Гм! – снова крикнул Очкасов. – Ты уж того...

– Но в мою судьбу вмешались высшие силы. Однажды императрица Анна Иоанновна напрямик спросила отца, что заставляет его держать за границей взрослую дочь, и приказала немедленно вызвать меня в Петербург, так как она желала зачислить меня в придворный штат принцессы Анны Леопольдовны.

Отец был очень удивлен, не понимая, как могла узнать императрица о моем существовании, тщательно скрываемом от всех. Но послушаться было нельзя. И вот немедленно были приняты меры к доставлению меня из Парижа.

Как ликовала я тогда! Мне шел двадцать первый год – это было в тысяча семьсот тридцать пятом году, – а я все еще не знала жизни иначе, как из книжек. Правда, читала я много и упорно, но чем больше погружалась в чтение, тем пламеннее тянуло меня в широкую жизнь.

Не буду говорить вам, как я была разочарована с первых же моих шагов в России. Все казалось мне диким, грубым, странным. В Париже мне приходилось бывать в семье де Нейлей, видеть там весь цвет аристократии, и то, что я встретила теперь как при дворе, так и в русских семьях, казалось мне чудовищным и ни с чем не сообразным. Русская дикость тесно сплотилась с немецкой грубостью. Грязь, неряшливость, уродливый, необузданный разврат, ханжество, грубость обращения – было от чего с ума сойти!

Семнадцатилетняя принцесса Анна Леопольдовна приняла меня на первых порах очень равнодушно. Это вообще очень вялая особа, и даже нередко под видом нездоровья она отказывалась идти к столу, так как ленилась умыться. Но вялость и лень не мешали ей быть капризной и жестокой: за малейшую провинность она колола булавками своих камеристок.

Если принцесса относилась ко мне сначала равнодушно, зато ее наушницы, главным образом Адеркас и Менгден, сразу возненавидели меня и старались, чем можно, отягчить мое существование. Тем сильнее привязалась я с первой же встречи к принцессе Елизавете, которая подошла ко мне, спросила мою фамилию, сказала, что отлично знает и любит моего отца как верного слугу великого преобразователя, и тут же нежно обняла меня и расцеловала. Она прибавила, что с удовольствием зазвала бы меня к себе, чтобы поговорить о ее «милой Франции», но она боится навлечь на меня неприязнь «большого двора». Вообще, при всем дворе царевна была самой очаровательной, самой привлекательной личностью. К сожалению, она появлялась довольно редко, и не всегда мне удавалось побыть с ней.

Тут я подхожу к сложному клубку, обвинившему мою жизнь. У принцессы Анны Леопольдовны была открытая связь с саксонским посланником, графом Карлом Морицем Линаром. Кроме императрицы, решительно все знали об этом, а герцог Бирон даже покровительствовал парочке. Делал он это по злобности: он рассчитывал женить на принцессе своего сына, а когда это не удалось, то глубоко возненавидел жениха принцессы, принца Антона. Заметив зарождающуюся любовь к Линару, Бирон опытной рукой повел интригу и не успокоился, пока не кинул Анну Леопольдовну в объятия красавца посла, который отличался крайней неразборчивостью в любовных делах.

Трудно, даже невозможно спокойно и последовательно передавать то, что так близко и болезненно касается самой себя. Я должна скомкать окончание своего рассказа и представить его вам в виде вывода.

Бирон и Линар принялись подстергать меня в разных укромных уголках и преследовать выражениями своей любви. Линар из какого-то непонятного молодчества осмеливался даже любезничать со мной на придворных балах на глазах у всех. Это вооружило против меня Анну Леопольдовну, а против Линара – герцога.

Как я узнала потом, клеветы донесли герцогу, что Линар устраивает свидания в саду с какой-то фрейлиной, лицо которой не успели разобрать. Бирон вообразил, что эта тайная дама сердца посла – я. Однажды – это было весной тысяча семьсот тридцать пятого года – герцог на придворном балу увел меня в дальнюю гостиную, где пал передо мной на колени и стал умолять меня полюбить его, обещая за это все блага мира. Я страшно перепугалась, молила его встать и не губить меня, однако он ничего не хотел слышать и словно безумный целовал мне руки. Наконец мне удалось вырваться. Не зная, как избавиться от герцога, я крикнула, что паду к ногам ее величества с просьбой защитить меня от наглого преследования.

Надо было видеть, как изменилось лицо Бирона! Он сейчас же встал, скрестил руки на груди и, сильно побледнев, сказал:

– Не советую! Гнев ее величества обрушится только на вас же, и мне, право, будет жалко, если такая прелестная головка скатится с плеч под ловким ударом палача! Но я знаю, кого вы предпочли мне! Ну погодите же! Вы увидите, какой монетой умеет платить Бирон за оскорбление! А теперь дайте мне вашу руку и вернемся в зал. Потрудитесь не делать таких трагических гримас!

Словно ни в чем не бывало Бирон повел меня обратно, весело и непринужденно разговаривая. Я силилась улыбаться, но это плохо удавалось мне.

Бирон тут же приказал особенно тщательно следить за каждым шагом Линара. На беду, в этот вечер после бала у посла было назначено свидание с самой Анной Леопольдовной. Герцогу донесли, что посол тайно прокрался с кем-то в беседку. В полной уверенности, что это я, Бирон пригласил нескольких человек пойти вместе с ним полюбоваться, как развлекаются русские аристократки, притворяющиеся неприступными и целомудренными. Дозор окружил беседку, герцог с приглашенными ворвался туда, осветил факелами лица влюбленных и... отпрянул в большом смущении, увидев вместо меня принцессу Анну Леопольдовну. Позы застигнутых были слишком красноречивы, количество любопытных свидетелей достаточно велико. Затум-

шить скандал оказалось уже невозможным. Линара удалили от двора и приказали немедленно уехать обратно в Саксонию.

Все видели, что перед этим я имела на балу довольно оживленный разговор с герцогом, и принцесса Анна прямо обвинила меня в том, что я вывела Бирона на след. Это мнение особенно поддерживала в принцессе госпожа Адеркас, которую тоже прогнали обратно в Швейцарию. Нечего и говорить, что теперь ненависть принцессы ко мне дошла до сверхчеловеческих пределов. Она не постеснялась кинуть мне в лицо тягчайшие упреки и жесточайшие оскорбления, перемешанные с угрозами.

Зная горячий нрав отца, я не хотела посвящать его на первых порах в свою беду, а решила поговорить сначала с царевной Елизаветой. Мне удалось тайно пробраться к ней, но когда я раскрыла рот, чтобы начать говорить, то у меня вырвались рыдания пополам со смехом, и все это закончилось глубоким обмороком. Принцесса Елизавета встревожилась, крикнула своего врача Лестока, и оба они принялись хлопотать надо мной.

Когда я успокоилась, царевна в присутствии Лестока стала нежно и заботливо расспрашивать меня, предупредив, что врача не надо бояться, так как это – ее лучший друг. Я рассказала, как попала между двух огней, как любовь Бирона и ненависть принцессы Анны отравляют мне жизнь.

– Бедная девочка! – с глубоким сочувствием сказала Елизавета. – Боюсь, что тебе не избежать преследований ни того ни другого. Единственное спасение – отказаться от службы и уехать куда-нибудь!

Она посоветовала мне открыть отцу только часть истины. Достаточно будет, если я скажу, что просто боюсь, как бы Бирон не стал преследовать меня любовными домогательствами, потому что он уж слишком любезен. Пусть отец под предлогом моего нездоровья выпросит у императрицы мое увольнение. Только в этом мое единственное спасение!

– Сударыня! – спросил меня Лесток. – Ведь вы, кажется, принадлежите к старинному русскому роду?

– Да, – ответила я, удивленная этим вопросом.

– Ваш батюшка был одним из сподвижников *Великого* Петра? – спросил он с особенным ударением.

– Да, – ответила я, все еще не понимая, куда он клонит.

– Теперь подумайте, – продолжал он, – мыслимо ли было бы что-нибудь подобное, возможно ли было бы такое унижение лучших русских людей, если бы родовитые бояре и сподвижники обожаемого императора не обошли его законной наследницы и дочери, царевны Елизаветы?

– Мне кажется, что все те, кто способствовал нарушению прав царевны, уже давно каются в этом! – воскликнула я, с обожанием глядя на грустно улыбающуюся Елизавету.

– Каются и... только? – небрежно кинул Лесток, устремляя на меня пытливый взгляд.

Я поняла наконец.

– Ваше высочество! – сказала я, опускаясь на колени и прижимая к губам руку царевны. – Я – только слабая женщина. Но и женщины иногда совершали большие дела. Клянусь вам, если мне будет дана хоть какая-нибудь возможность содействовать исправлению великой ошибки России, то вся моя кровь, жизнь, состояние – все и всецело будет принадлежать вашему высочеству!

Царевна нежно подняла меня и поцеловала в самые губы. Этим безмолвным поцелуем мы скрепили наш договор.

Отцу не удалось вызволить меня со службы. Императрица позвала принцессу Анну, и та при отце заявила, что я вовсе не больна, а просто ленива и что она ни в коем случае не желает обойтись без меня. Присутствовавший при этом герцог Бирон с кривой усмешкой отпустил по

моему адресу что-то ужасно дерзкое и грязное. Отец говорил мне потом, что еле удержался, чтобы не проломить ему голову...

– И жалею, зачем удержался! – буркнул Очкасов.

Жанна тотчас же заговорила опять:

– Во всяком случае, мой отец заметил герцогу, что неприлично так отзываться о достойной девице, да еще в присутствии как ее величества, так и отца. Герцог ответил новой дерзостью, отец не полез за словом в карман, но тут вмешалась Анна Иоанновна, прикрикнула на них обоих и приказала уйти да не ссориться.

– Вы еще обо мне услышите, отец достойной девицы! – небрежно кинул Бирон моему отцу, выходя вместе с ним из кабинета императрицы.

До того времени я не знала, что у отца уже давно сделаны все приготовления на случай внезапного бегства. Мое положение с каждым днем все ухудшалось, каждый день я молила отца придумать что-нибудь, чтобы избавиться от этой муки. Когда же – это было уже глубокой осенью – отец признался мне, что у него почти все реализовано, а на Невке безмятежно покачивается готовая к отплытию яхточка с иностранным экипажем, я накинулась на него с мольбами и упреками, заклиная немедленно же бежать. Отец поддался моим мольбам и обещал, что через несколько дней он все закончит и мы тайком двинемся в путь: он хотел устроиться так, чтобы Бирону не достались его картины и кое-какие редкости, которые немислимо было увезти с собой.

Вдруг императрица опасно заболела. Завещания о престолонаследии сделано не было. Теперь уже я сама просила отца не предпринимать ничего. Если императрица умрет, то никакие Бироны не помогут и впредь держать царевну Елизавету вдали от трона. Я знала, что для царевны мой отец отступился бы от своего невмешательства в политические дела, а в такие важные минуты дорог каждый лишний человек, особенно если он знатен, богат и опытен в воинском деле.

Здоровье императрицы то немного улучшалось, то вновь вызывало страшные опасения. Моим врагам было теперь не до меня. Анна Леопольдовна целыми днями пролеживала на кровати вместе со своей неизменной приятельницей Юлианной Менгден¹⁶, а герцог, который до того при каждой встрече кидал мне в упор: «А все-таки ты будешь моей!» – теперь даже не замечал моего присутствия. До того ли им всем было! Ведь умри императрица без завещания, так их тут же смели бы с лица земли!

Так прошел октябрь, и начался ноябрь. Наступили морозы, Нева покрылась льдом, и яхту пришлось отвести далее, почти к Кронштадту. И вдруг дворец облетела весть: камни, которыми страдала императрица, прошли благополучно, и теперь за ее жизнь беспокоиться нечего; еще неделя-другая спокойствия, и императрица встанет с постели здоровая. Беспокоиться нечего!

Беспокоиться нечего! Да, всем придворным немцам было от чего возвеселиться, а мне – от чего забеспокоиться! Уже на другой день я убедилась в этом. Когда я в коридоре встретила с Бироном, он широко расставил руки, схватил меня, прижал к себе и воскликнул тоном, которым говорят с женой или любовницей:

– О дорогая! Мы не видались целую вечность.

Вне себя от негодования, я вырвалась и изо всей силы ударила его по лицу.

– Ах, вот как! – вскрикнул Бирон, бледнея от бешенства. – Ну, погоди же ты, маленькая фурия!

Я сейчас же кинулась к отцу и сказала ему:

– Отец, если ты хочешь спасти от бесчестья свою дочь, мы должны сейчас же бежать!

¹⁶ Как читатель увидит далее, Елизавета Петровна, явившись через шесть лет после описываемого времени арестовать правительницу, нашла ее в одной кровати с Менгден.

Увы! Сама природа была против нас! Накануне был страшный мороз, и яхта обмерзла. Надо было сначала обколоть лед. Волей-неволей пришлось отложить бегство еще на сутки. А тут все это и случилось.

Я была в дежурной комнате, когда ко мне явился камер-лакей с заявлением, что императрица требует меня к себе. Как ни была я удивлена этим странным вызовом, но должна была повиноваться. И вот, проходя по полутемному коридору, я вдруг почувствовала, что мне на голову падает какая-то ткань, и... я очнулась только в маленькой комнате. Должна сказать, что никакого одуряющего вещества в накиннутой мне на голову ткани не было, а просто – неожиданность и быстрота, с которыми все это совершилось, привели меня в какое-то оцепенение.

Я оглянулась. В комнате были только широкий диван, пара кресел, несколько стульев и простой стол. Совершенно машинально я вспомнила, что здесь когда-то была комната дежурных офицеров, теперь переведенных в другое помещение.

Передо мной стоял герцог Бирон. Скрестив руки на груди, он с дьявольской иронией смотрел на меня.

– Я говорил тебе, – сказал он, – что ты будешь моей! Ты не хотела добровольно отдаться... Тем хуже для тебя!

Я кричала, молила, грозила.

– Ничего, излей свою душу, девушка! – насмешливо сказал мне злодей. – Тебе это доставит некоторое удовольствие, а для меня совершенно безопасно, потому что из этой комнаты звуки далее коридора не выйдут, а по концам последнего стоят мои верные дозорные, которые вовремя предупредят меня, чтобы я мог зажать тебе рот.

Что-то ужасное было в этом дьявольском спокойствии. Я замолчала, безумными глазами озираясь по сторонам в надежде выискать хоть какое-нибудь средство спасения. Увы! Мои взоры не могли ничего отыскать!

Думая, что я в недостаточной мере укрощена, герцог подсел ко мне на диван и стал приставать с бесстыдными ласками. Я царапалась, визжала, кусалась и все-таки отразила его нападения. Тогда герцог разыграл постыдную комедию.

Словом, отчаявшись овладеть мной, он подошел к столу, где стояли бутылки и два бокала, и тяжело опустился в кресло. Он просидел минуты две в глубоком молчании, а затем сказал:

– Страсть завела меня слишком далеко! Я надеялся, что моя горячая любовь смягчит твое жестокое сердце, девушка! Но ты холодна как лед... Что же делать!.. Видно, и правда, что насильно мил не будешь... Ты должна простить меня, а в знак прощения – чокнуться со мной этим вином! – Он налил два бокала вина и подал один мне, говоря: – Это последняя милость, которой я прошу у тебя.

– Хорошо! – сказала я, обрадованная такой легкой победой. – Я выпью вино, если вы поклянетесь, что не будете долее задерживать меня и беспрепятственно выпустите из комнаты.

Он поклялся в этом самыми страшными клятвами. Я выпила вино, встала, хотела подойти к двери, но вдруг почувствовала, что руки и ноги у меня холодеют, а в голове наступает какое-то безразличие. Плохо сознавая, что я делаю, я вернулась обратно к дивану... Больше уже я вплоть до пробуждения ничего не помню.

Когда я открыла глаза, я плохо сознавала, где я и что со мной. В первый момент меня как-то даже не беспокоило, что я лежу в растерзанном виде на диване в обществе мужчины, приводящего себя в порядок. Я обвела хмельным взглядом комнату. Вид двух бокалов, одного пустого, а другого полного, стоявших на столе, дал толчок сознанию, и я сразу поняла все...

Не буду описывать вам свои чувства. Женский стыд мешает мне изобразить ту острую смесь физических и нравственных страданий, которую я ощутила, приходя в сознание. Боже, какой ад поднялся в моей душе!

Быть может, все мои дальнейшие поступки покажутся вам странными и несообразными. Очень возможно, что они и были таковыми. Но не забывайте, что я все еще была под действием одуряющего яда, данного мне в вине, и не смогла так быстро овладеть своими чувствами.

Заметив, что я очнулась и собираюсь встать, Бирон пытался удержать меня, что-то говорил мне. Не вслушиваясь в его слова, я безмолвно отстранила его руки и, пошатываясь, вышла из комнаты. Насколько я помню, он вышел следом за мной, но направился по коридору в другую комнату.

Вернувшись в комнату дежурных фрейлин, обычно пустую, я опустилась там в кресло и погрузилась в тяжелую думу. Вдруг сквозь дверь, которую я неплотно прикрыла за собой, я увидела отца, который шел откуда-то...

– И сам не знаю почему, – вставил Николай Петрович. – Не помню, или Бог меня привел...

– Я кинулась к нему и в двух словах сообщила о случившемся, – продолжала Жанна. – Отец смертельно побледнел, замахнулся на меня. Вдруг его рука повисла как плеть, и он с хриплым воем бросился прочь.

Расскажу сначала, куда побежал и что сделал отец. Он кинулся прямо в дворцовый кабинет герцога, застал Бирона там и с бешенством набросился на него. Герцог обнажил шпагу и крикнул дежурных офицеров. Когда два казака вбежали в кабинет и хотели по приказанию Бирона арестовать отца, он крикнул им:

– Что? Арестовать меня, Очкасова? Руки прочь, молокососы!

Он был так страшен, что казаки невольно отступили. Растерявшийся Бирон даже не распорядился преследовать его. Отец хотел сейчас же пасть к ногам императрицы, но она была больна, и его не впустили.

Когда отец скрылся, я впервые в полной мере охватила весь ужас постигшего меня оскорбления и несчастья. Не сознавая, что я делаю, я кинулась в спальню Анны Леопольдовны и там упала к ногам принцессы, умоляя о защите. Я забыла, что она ненавидит меня, я видела в ней только женщину, способную понять женское горе.

Я ошиблась. Выразив первоначально свое возмущение тем, что я осмелилась явиться в таком растрепанном виде, и, узнав затем, что со мной случилось, принцесса воскликнула:

– Возмутительная наглость! Эта девка открыто развратничает чуть не на глазах императрицы, а потом является к принцессе крови, чтобы хвастаться своей мерзостью!

Отчаяние перешло у меня в припадок дикого бешенства. Я вскочила и, впиваясь горящим ненавистью взглядом в принцессу, отчеканила:

– Да, вы – принцесса крови, это правда! Кровь, жестокость, издевательство – вот ваш мир, принцесса!

– Как ты смеешь... – закричала она.

Но я не дала ей продолжать.

– Развратничать по собственной охоте – не наглость, а жаловаться на насилие... Ах, да что с вами говорить! Как я вас ненавижу, как презираю я вас, принцесса крови! – кинула я ей в лицо, опьяненная собственным бешенством.

Анна Леопольдовна гневно оглянулась по сторонам, но никого из ее клеветов не было.

– Хорошо же! – сказала она с угрозой. – Теперь я сразу за все заплачу тебе!

Она вышла, скорее выбежала из комнаты. Я на мгновение глубоко задумалась. Да, моя песенка спета! Но неужели так и даться им в руки? Меня опозорили, надо мною нагло надругались, и я же должна еще пострадать за это? Нет, лучше добровольная смерть, чем торжество злодеев! Но ведь и смерть моя будет им торжеством! Что же делать? У кого искать защиты?

Вдруг мою одурманенную голову осенила мысль, показавшаяся блестящей. Царевна Елизавета! Как же я до сих пор не подумала о ней? Она что-нибудь придумает, она защитит, укроет...

Конечно, если бы мой отравленный мозг работал правильно, мне не пришло бы в голову искать защиты у царицы, которая сама была далеко не в безопасности. Но, повторяю, я все еще не могла овладеть всецело своими чувствами, и мысль шла у меня какими-то скачками.

Мои санки стояли около дворца. Я поспешно оделась, спустилась вниз, села в сани и приказала кучеру гнать лошадей что есть силы. Свежий морозный воздух начал производить свое действие, я уже жалела, зачем отправилась к царице Елизавете. Я хотела было повернуть обратно, но уж очень просило сердце женской власти и сочувствия. Тут только я поняла, как тяжело девушке без матери, которую не может заменить даже лучший из отцов!

Елизаветы не было, мне сказали, что она отправилась во дворец поздравить императрицу с благоприятным оборотом болезни. Я села и стала ждать.

Сумерки все сгущались, мало-помалу наступила темнота. Наконец вернулась царица. С первого взгляда я поняла, что она была чем-то глубоко взволнована.

– Несчастливая! – крикнула она, увидев меня. – Ты еще здесь? Беги же, спасайся, укройся где-нибудь, пока не поздно. Нельзя терять ни минуты! Еще час-два – и будет поздно.

Тут только я вспомнила, что ведь у нас все готово для бегства. Дал бы только Господь выбраться!

В нескольких словах я успокоила царицу за нашу судьбу, и тогда она рассказала мне следующее. Она как раз была у императрицы, когда туда ворвался герцог Бирон с жалобой на моего отца, а потом принцесса Анна – с жалобой на меня. Императрица не стала даже входить в подробности. Видно было, что она была очень довольна этими жалобами.

– Уже давно, – воскликнула она, – я добираюсь до этой семьи изменников!

Принцесса Анна хотела убить двух зайцев разом и использовать историю против герцога, но императрица сразу оборвала ее, сказав, что она сама сведет счеты с Бироном.

Тут же был отдан приказ об аресте и допросе «с пристрастием», то есть под пыткой. Отца обвинили в злоумышлении на жизнь герцога и в бесчинстве во дворце, меня – в бесстыдстве и оскорблении члена императорской фамилии. Опасаясь, как бы вся эта история не наделала излишнего шума и не вызвала лишних толков, арестовать нас было приказано тайно этой же ночью.

Рассказав все это, царица обняла и расцеловала меня, а когда я опустилась на колени, чтобы благоговейно облобызать ей руку, она со слезами на глазах благословила меня и пожелала удачи; мы тут же установили путь, посредством которого нам было бы возможно сноситься друг с другом.

Я понеслась домой. Отец был у себя в кабинете и взволнованно ходил из угла в угол. Я стала молить его поскорее приниматься за сборы, но он ответил, что теперь жизнь – ни его собственная, ни моя – уже не дорога ему и что он не уедет, не отомстив. Я постаралась уверить его, что, оставаясь здесь, мы не сможем мстить, и мне удалось победить его сопротивление.

У нас уже давно были заготовлены вольные для всех наших дворовых. Отец собрал их всех, одарил деньгами, вручил вольные, но за это потребовал исполнения его воли: дом со всем, что там есть, должен быть сожжен, а дворня должна сейчас же разойтись и ни словом не обмолвиться, куда отправились господа.

Пока мы наскоро собирались, по всем комнатам на пол навалили дров, набросали лучин, корья, промасленных тряпок. Подали сани, все вышли из дома, отец перекрестился, взял поданный ему горящий факел, кинул его в середину комнаты, убедился, что огонь занялся, приказал наглухо запереть двери, и мы тронулись в путь.

Лошади неслись как вихрь по льду. Лед был еще тонковат, порой грозно потрескивал, бывало и так, что мы одним полозом неслись над полыньей. Однако нам было все равно – то, что ожидало нас позади, было хуже самой страшной смерти.

Мы благополучно добрались до своей яхты. На наше счастье, ветер был попутный, и вскоре мы уже могли облегченно вздохнуть: мы были за пределами досягаемости!

Жанна замолчала, мрачно погружившись в тяжелые воспоминания. Старик Очкасов молча дергал себя за седые усы. Молчал и Столбин, в груди которого боролись самые разнородные чувства: тоска по любимой, ненависть к поработителям-немцам, сострадание и почтение к этой молодой, прекрасной, так рано испорченной людьми жизни... Но над всеми этими личными впечатлениями доминирующей нотой дрожал страстный призыв Жанны: «Вспомните, мало ли других Оленек, которым не удастся отделаться так легко!» И он чувствовал, что все эгоистическое, личное, малодушное отступает в его душе перед ярким сознанием необходимости бесстрашно встать на защиту несчастной родины.

VIII. «Я нашел тебя, девушка»

В Версале царило радостное оживление. Тоска Людовика XV прошла, и опять двор зажил прежней блестящей жизнью. После долгого перерыва сегодня у короля снова был назначен вход «по праву» и «парадный» вход. На первом предстояло обсудить детали блестящего весеннего праздника, который хотел дать король в Шуази-ле-Руа.

Впрочем, сначала мы должны дать читателю объяснение по поводу употребленных терминов – вход «по праву» и «парадный».

Этикет французских королей вообще отличался большой сложностью, которая была еще увеличена Людовиком XV. Вечно мятущийся дух Людовика, не будучи в силах найти смысл жизни в ее внутреннем содержании, волей-неволей обращался в сторону внешних форм. Правда, сам король нередко нарушал этикет, но в том-то и была вся прелесть, что можно было что-нибудь нарушать: это все-таки давало жизни некоторое разнообразие!

У прежних французских королей при вставании и в отходе ко сну были просто большие и малые приемы. Людовик разделил эти утренние и вечерние приемы на ряд «входов», из которых главнейшими были: домашние, парадные, по праву и кабинетные.

Право «домашнего» входа разрешало находиться около королевской постели во время вставания и отхода ко сну короля. Кроме принцев крови, оно мало кому давалось.

Когда король начинал вставать с постели, тогда к нему допускались лица, имеющие право «кабинетного» входа.

Умывшись и одевшись в халат, король принимал приветствия лиц, имевших вход «по праву». Этими лицами обыкновенно бывали приближенные и друзья Людовика.

Наконец, завершив свой туалет, король выходил из спальни в смежный кабинет-салон, куда допускались придворные, имевшие право «парадного» входа.

Вечером, при отходе короля ко сну, его до салона провожали лица, имевшие все четыре права. Здесь король обращался к тому или другому придворному с милостивым разговором. В установленный час маршал дворца стучал о пол своей булавой и провозглашал: «Входите, господа!» После этого все, имевшие только право на «кабинетный» или «парадный» вход, удалялись, и по выходе их король давал держать подсвечник кому-нибудь из наиболее близких друзей. Это считалось большой честью, и на другой день про счастливец весь город с завистью говорил:

– Представьте себе! Король дал вчера такому-то держать подсвечник!

Итак, мы упомянули, что в это утро были назначены входы «по праву» и «парадный». Мы застаем Людовика во время первого. Одетый в халат король с веселым видом восседал на кресле, окруженный своими ближайшими друзьями.

Среди них особенно выделялся герцог Ришелье, человек уже не молодой годами, но по духу сродни молодому обществу молодого короля. Изнеженный, выхоленный, он в то же время был отличным воякой. Вечно занимавшийся туалетом да любовными интрижками, он находил время почитать серьезную книгу. Для короля он был незаменимым товарищем и собеседником. В дипломатических тонкостях, в охотничьих вопросах, в военном деле, в любовных делах, в вопросах чести, этикета, обычая или моды – везде он мог дать веский и разумный совет. В этом обществе он, безусловно, задавал тон, особенно в отношении туалета: герцог был моделью для всей изысканной Франции.

Около Ришелье стоял ла Тремуйль, любимец Людовика, высокий, статный красавец. Командуя в сражении при Фонтенуа эскадром, ла Тремуйль шутя врезался один в самое сердце английской конницы. Его выбили из седла, нога зацепилась за стремя, а лошадь, бросившаяся обратно к французскому лагерю, поволокла его по земле. Ла Тремуйль мог бы значительно облегчить себе это неудобное положение, если бы схватился обеими руками за стремя.

Но он даже и не подумал об этом. Его главной заботой была мысль о том, как бы не испортить себе лицо, и он поспешил прикрыть его обеими руками!

Но таковы были уже все они, эти молодые люди с внешностью женщины и с сердцем льва, которые стояли теперь около сиявшего радостью короля. Граф д'Айен, маркизы Жевр, Коаньи, д'Антен и герцоги Нивернуа участвовали не в одной войне и своей беззаветной отвагой помогали выиграть не одно сражение, устремляясь в бой с нарядной шляпой в руке, с накрахмаленными манжетами, с бантом на правом плече и ухитряясь в сражении не изменять и не испортить своего изящного туалета.

– Итак, господа, – сказал король, обводя всех присутствующих милостивым взглядом, – я сказал вам, что мне хочется достойно отпраздновать вступление на сезонный престол красавицы – принцессы Весны. В последнее время нездоровье мешало мне уделять своим друзьям столько времени, сколько мне хотелось бы, да и прелестный Шуази, я думаю, уже соскучился по вашему веселому смеху. Как хорошо будет нам пожить там несколько дней, сторонясь всякой натянутости, церемониальности, этикета! Так придумайте же, друзья мои, что-нибудь красивое, блестящее! Разрешаю вам отбросить всякий этикет и говорить, не дожидаясь вопросов, и если кому-нибудь придет в голову хорошая мысль, пусть сейчас же делится ею с нами! Так говорите же, господа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.